

Надежда ПТУШКИНА

...И ДРОГНЕТ КОНЕЦ ЦЕПИ...

Пьеса в 2-х частях

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

“И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошрое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи, дотронулся до одного конца, как дрогнул другой“.

А. Чехов “Студент”

Действующие лица

АНТОН ЧЕХОВ, 30 лет.

МАША, его сестра, 27 лет.

МИША, младший брат, студент.

ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВНА, их мать.

ПАВЕЛ ЕГОРОВИЧ, их отец.

ЛИКА МИЗИНОВА, 20 лет.

ДУНЯ ЭФРОС, 25 лет.

ИСААК ЛЕВИТАН, 29 лет.

СОФЬЯ КУВШИННИКОВА, 43 года.

ДМИТРИЙ КУВШИННИКОВ, её муж.

ИВАНЕНКО, 28 лет.

ОЛЬГА КУНДАСОВА, 25 лет.

ПОЛЯ, молоденькая прислуга в доме Чеховых.

НЕИЗВЕСТНАЯ ДАМА, около 40-ка лет.

Действие происходит в Москве, в двухэтажном особняке на Садово-Кудринской, который в то время арендовала семья Чеховых.

Апрель. 21, 1890 год.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Комментарий для господ актёров, режиссёров, художников и всех других лиц, оказавшихся причастными к спектаклю по этой пьесе. Не ищите в ней исторических параллелей, аллюзий, многозначительного подтекста, сенсаций и рискованных версий!

Автор всего этого не умеет!

... Просто когда-то автор была маленькой девочкой и, закрыв глаза, часами грезил о той, “унесённой ветром” жизни. И, ныне, взрослая женщина пытается выразить грёзы той маленькой девочки, тоже “унесённой ветром”. Ветер уносит и наш вчерашний день, и миг безотчетного восторга сегодняшним утром, и странно вдумчивый взгляд мужчины, скользнувший по тебе, вот только-только что...

О, Боже милостивый! Не затем ли наши чувства нематериальны, как ветер, чтобы мы более осознанно дорожили ими в тот самый миг, когда они осеняют нас?...

Моей первой любовью был не одноклассник и не приятель старшего брата, и не мальчик со двора, и не кинокумир, и не Робертино Лоретти, и не Фидель Кастро, а писатель Чехов. Это была любовь реальная и пылкая, мечтательная и чувственная, страстная и самозабвенная, полная противоречий и надежд. Я грезил не о портрете, а о живом мужчине. Я знала, как он двигается, как улыбается, каковы тембр его голоса и интонации. Я обожала его жесты, открытое, простодушное и доверчивое выражение его лица, незащитный, напряжённо-вдумчивый, - возможно, из-за близорукости, - взгляд.

В гостях у знаменитой актрисы мама мне шепнула: “Вот - жена Чехова!” Грузная, старая, но чем-то особенная женщина. Откуда мне знать, тяжёлый ли груз легенды для живых плеч?

Вот - его жена! И меня охватывают возбуждение и восторг от близости его присутствия. Его жена, вот она, уже здесь. Значит, и ОН вот-вот войдёт! Что за дело тогда мне было до Времени, Пространства и Дат? И в голову не пришло - как же такое может быть - ОН - молодой, а она - очень старая? Да и волновал ли меня его возраст? Вряд ли!

И я волнуюсь, я обмираю, то в горячке, то в ознобе, и у меня абсолютное предчувствие-предвкушение, что ОН сию минуту войдёт! Увидит меня в кресле-качалке, в стороне от всех, такую невозможно прекрасную и любящую... и полюбит с первого взгляда и навсегда! Моя бабушка повторяла: “На Бога надейся, но и сам не плошай!” И я старалась “не плошать”. Я, семилетняя, старалась, чтобы моя поза была пленительной, а взгляд нежным для НЕГО, который вот-вот войдёт. И меня не мучили угрызение совести перед его женой, сидевшей тут же, неподалёку.

ОН так и не вошёл тогда, когда, как нарочно, кто-то беспрестанно входил и выходил. И каждый раз я испытывала потрясение. И ещё долго я ходила на прогулки к этому дому, где была в гостях его жена, и всё надеялась на случайную встречу с ним. Я легко почему-то “вписала” его в Невский и Площадь Восстания и ожидала, что когда-нибудь он сойдёт с подножки трамвая. О, как я была готова к встрече с ним!

А в восемь лет моё сердце было разбито! В школе на уроке, после разбора рассказа про Ваньку Жукова, я узнала, что Чехов умер. В моём сознании до сих пор не уместается несовпадение наших жизней.

Но большая любовь властна и над временем, и над пространством и над датами. Любовь к умершей Беатриче сделала Данте гением. Вся “Божественная комедия” всего лишь грёзы о встрече с любимой. Данте было проще; для него само собой разумелось, что Душа бессмертна. Он скучал по Беатриче, потому что любил её реальной, пылкой любовью. Так я “скучала” по Чехову. Но Данте было легче; он верил во встречу с Беатриче, он скучал в о ж и д а н и и встречи.

О, Боже милостивый, где же, где теперь эти мужчины, одетые столь высокопарно, даже по будням? Где они, с их манерами, кроткими, благородными и сдержанными, как в

быту, так и при катаклизмах? С их благовоспитанностью, почтительностью к женщинам? С их притягательной, пленительной и тайной грешностью? С их добродетелью, столь очевидной и повсеместной, что, сама по себе добродетель, выглядела качеством чуть ли не заурядным, и не способна была придать личности значимость. Сверх добродетели, требовались талант или ум, обаяние или беспредельный альтруизм, героизм или подвижничество, блестящее остроумие или энциклопедические знания, инфернальность, или стойкость в роковых обстоятельствах...

И где, где женщины моих детских грёз? Нервные и утонченные, неспешные, изящные и гордые? Женщины, чьи страсти глубоки, а выражения страстей сдержанны? Чей здравый смысл не обесценивал, но усугублял страдания любви? И чья любовь всегда переплеталась с долгом, честью, альтруизмом и упованием на волю Божию? Даже, оставаясь дома, они причёсывались тщательнее, чем мы на выход в люди. И кружева их желтовато и свежо блистали. Вечная осень их кружев! И у каждой был свой стиль и атмосфера, которые приобретаются лишь в опыте любви, надежд, ожиданий, страданий и терпения. И они кутались в свою любовь, как в дорогие меха и были чуть томны и походили на королев.

И где же, где, Боже милостивый, где дышат эти комнаты, освещённые свечами? Комнаты, где присутствуют Жизнь, Любовь и Смерть? И Вечное непрестанно соотносится с сиюминутными подробностями бытия. Словно Вечное и сиюминутное в двух совмещенных сосудах неостановимо перетекают из одного в другой.

И только на Театре можно снова и снова вызывать из небытия мгновенья, унесённые ветром! Иллюзия ли эти мгновенья? Можно ли с окончательной уверенностью назвать иллюзией смешение жалкого правдоподобия и подлинных чувств живых артистов, чувств прекрасных, как цветы?

О, Боже милостивый, дай мне вернуть и удержать эту тесную прихожую, которую делит на две равные, довольно узкие части, лестница, ведущая на второй этаж. Ступени лестницы покрыты красной ковровой дорожкой, укреплённой медными блестящими прутьями. Перила обтянуты красным же бархатом с бахромой. Правая часть прихожей пуста. В левой - деревянная вешалка. Большой и глубокий подоконник окна, что глядит прямо на зрителей, явно служит столиком при вешалке.

Справа - двери, входная и в кухню. Слева - в кабинет Антона Чехова.

Кабинет большой, с двумя окнами во двор. На окнах занавески, а над ними видны голые ветки палисадника. Тёмные обои, высокая кафельная печь. Письменный стол, книжные полки, овальный стол, покрытый скатертью, кресла и диван вокруг стола, всё в белых чехлах. На полу - ковёр. На стенах - фотографии и небольшие картины. Много керосиновых ламп разной формы и величины. На письменном столе подсвечники в виде драконов. По левой стене ещё две двери - в спальни Антона и Михаила.

Посреди комнаты - раскрытый фанерный чемодан, перевязанные стопы книг, на креслах и диване - журналы, газеты, папки с архивом.

И сумрачно, и тихо, и звонят колокола московских сорока сороков.

И всё освещает только одна свеча, стоящая в прихожей на подоконнике.

И единственное живое- это Поля, которая домывает полы в прихожей.

И, словно на волшебной картинке, сами по себе затеплились две свечи на столе у Антона и осветили его, в валенках и в шарфе, обмотанном вокруг шеи. Он тщательно, серьёзно и ответственно подшивает в папки письма. Занят приведением в порядок своей корреспонденции, словно перед отъездом, или смертью.

Колокола смолкают. И, на смену им, вступают робко, а потом, всё завоевательнее, другие, будничные шумы. Покашливает Антон, шаркает тряпкой Поля, топчет, спускаясь с лестницы, Маша, в темненьком полосатом платице, похожая на подростка, с утра уже тщательно причёсанная.

МАША. (Поле) Почему печи не топишь? Дом совсем остыл! Боже мой, какая слякотная холодная и поздняя весна! Какие расходы на дрова! Почему ты не топишь печи, Поля?

ПОЛЯ. Доброе утро, барышня! Ваш отец не велел топить печи, а приказал убирать.

МАША. Снова отец тут распоряжается! Доброе утро, Поля! Пусть у себя командует! Далась ему эта уборка!

ПОЛЯ. Так что я-то...

МАША. Тихо! Антон Павлович кашляет... Показалось?

ПОЛЯ. Ваш отец рассуждают по старинке; мол, после отъезда Антона Павловича убирать нельзя - плохая примета.

МАША. (Не слушает её) Или кашляет? (Озабоченно расхаживает) Вот отчего взялись отовсюду сквозняки? С чего двери перестали плотно закрываться? И всё сразу! Всё бьётся, ломается! Не хочет, не хочет дом отпускать Антошу!

ПОЛЯ. (Сама себе за мытьём пола) Всё это одно суеверие от вашего батюшки.

МАША. (Прислушивается ко второму этажу) Господи, дай мне терпения! Мебель двигает? Для чего? Всю неделю здесь распоряжается! (Плачущим голосом) Я измучилась. Даже в день отъезда Антоши никому нет покоя! А ведь Антон работает! Всегда работает! И никто, никто не хочет этого понимать!

Наверху что-то грохает, и Маша устремляется по лестнице.

Евгения Яковлевна выскакивает из кухни с ошипанной курицей в руках.

МАТЬ. (Поле, негромко) Снова случилось что-то?

Поля разводит руками.

МАТЬ. (Истово) Матерь Царица Казанская Богородица, спаси и помилуй! (Вверх) Что случилось? (Нет ответа, тогда громче, с паникой в голосе) Маруся! Маруся! Маруся!

МАША. (Сверху, негромко, но с сильной досадой) Да хоть вы-то не волнуйтесь, мама!

МАТЬ. Не убился?

МАША. Да нет, нет, ничего.

МАТЬ. (Крестится и осеняет себя ошипанной курицей) Совсем голубчик мой не бережется!

ПОЛЯ. Такой Павел Егорович серьёзный, за всем следит, всем приказывает.

МАТЬ. Всё на нём, всё на нём! (Скрывается в кухне)

МАША. (Сверху) Поля, заканчивайте там и помогите тут.

ПОЛЯ. Сию минуту, барышня, не волнуйтесь, сию минуту-с.

ОТЕЦ. (Чуть виден) Маня, не сердись, того надо... люди же придут прощаться... ну как же это... того.

МАША. Надо было затевать! Через неделю с флигеля съезжаем! (Спускается вниз, бегло оглядывает полы, что-то поправляет, задувает свечу на подоконнике)

МАША. Мишка свечи покупает, так всегда норовит подороже.

Поля подымается наверх.

ОТЕЦ. (Сверху) Поля, давай сюда! Порядок - дом, беспорядок - содом!

МАША. Сodom, Сodom и Гоморра... (Уходит наверх) Сodom-Сodom-Гоморра-Гоморра...(Смеётся)

Под окнами Антона заливаются лаем собака. И прекрасный молодой голос: "Корбо! Корбошка! Корбошечка, ты на меня лаешь? На меня? Благодарствую! Ай-яй-яй... Ну,

ладно, хороший, хороший, не пачкай меня лапами! В три дня тут меня забыли все, не только ты! “В ответ преданное скуление.

Антон смеётся, оживляется, спешит в прихожую и распахивает дверь.

АНТОН. Жамэ!

И на порог вступает юная, величественно красивая женщина, словно тяжёлый грациозный сосуд, в котором плещется целая буря.

ЛИКА. (Волнуясь и задыхаясь) Просите прощения! Или сейчас же повернусь и уйду навсегда.

АНТОН. (Тщательно прикрывает дверь и вполголоса) Изумительная, очаровательная в четвёртой степени, Лика! Не знаю, в чём повинен, но извольте... Минуточку, сейчас встану на колени... (Бегло оглядывается и опускается на одно колено) Это при моём-то геморрое... Сжальтесь, божественная, прекрасная, юная! За причинённое вам расстройство, я охотно вас извиняю, но чтоб больше этого не было!

ЛИКА. Когда вы будете серьёзны со мной? Несносный вы человек! Никогда? Погодите, я не позволяла встать. В среду собирались мы с вами в театр, если помните... Вместо вас - Миша. Да не вставайте же с колен! Пусть, пусть Маша увидит! Спрашиваю Мишу об вас. Дифирамб в честь обожаемого братца и жалкие неубедительные оправдания, что вы в хлопотах. Я обижаюсь и не являюсь ни в Четверг, ни в пятницу.

АНТОН. (Поспешно) Ваше отсутствие всякий раз было мною замечено!

ЛИКА. Я не нахожу себе места, от злости, разумеется!

АНТОН. Мне вас очень-очень не хватало!

ЛИКА. Наконец-то! Павел Егорович... Павел Егорович! Присылает узнать, здорова ли я и приду ли прощаться с вами! Прощайте! (Поворачивается и делает вид, что хочет уйти)

АНТОН. (Проворно хватая её за ногу) Ну-ка, ну-ка, поймал вас за ножку! (Снимает с неё ботик) Давайте-ка другую! (Снимает второй)

ЛИКА. (В панике) Встаньте, встаньте! Маша идёт!

АНТОН. Пусть Маша всё видит, как вы надо мной издеваетесь!

ЛИКА. Да встаньте же! (Тянет его вверх)

АНТОН. (Встаёт) Идёмте ко мне! Я усажу вас в кресло возле меня. (Снимает с неё накидку) Там вам комфортнее будет меня терзать. (Накидку слегка встряхивает и аккуратно вешает)

ЛИКА. (Тревожно) Это решено?

Антон предлагает ей руку кренделем.

ЛИКА. Это - сегодня?

Антон продевает её руку под свою.

ЛИКА. Всё-таки вступаете на путь подвижничества?

АНТОН. (Ведёт её к себе) Уже вступил. Чувствуете? На весь дом несёт курицей. Сестра, мать, отец, прислуга - все в угаре!

Входят в кабинет.

ЛИКА. У вас холодно. Все здоровы?

АНТОН. Вся юдоль в добром здравии, слава богу.

ЛИКА. И все дома?

АНТОН. Студиоз нынче сдаёт последний экзамен. (Освобождает от бумаг одно из кресел) Пожалуйте!

ЛИКА. Если помешаю, отошлите меня наверх. (Садится)

АНТОН. Непременно отошлю. С вашего позволения я могу и болтать с вами и работать. Тут необходимо закончить.

ЛИКА. Что ж, сейчас уйду наверх. Там встали?

АНТОН. Думаю, давно встали.

ЛИКА. Тая я буду петь, а ля сирена. Но вас и привязывать не надо. Пропустите мимо ушей безо всяких усилий.

АНТОН. (Занимается бумагами) Кокетничаєте, Лика, и кокетничаєте бессовестно. (Обхватывает письменный стол) Вот мои цепи! И они трещат, и вот-вот порвутся из-за ваших чар.

ЛИКА. Так это вы от меня в такую даль сбегаете? (Встаёт, подходит к огромной карте) Сибирь... Сахалин... (Водит пальцем по карте) Чехов... Чехов... Хотите, я последую за вами?

Пауза.

ЛИКА. Чехов, вы слышите меня хоть немножко?

АНТОН. Конечно, слышу. Но повторите, пожалуйста, ещё раз!

ЛИКА. Я сказала - как только вы уедете, заведу роман и начну прожигать жизнь.

АНТОН. Поздравляю заранее. (Покашлял)

ЛИКА. (Вызывающе) Аминь.

Пауза.

ЛИКА. Что ж, пойду - поздороваюсь с вашими.

АНТОН. Видите, как быстро вы со мной соскучились!

Лика выходит в прихожую, задумчиво стоит возле лестницы, подходит к вешалке, берёт свою накидку и обнаруживает в кармане небольшую книжку. Задумывается, рассматривает книжку, оглядывается на дверь кабинета, решительно вешает накидку обратно и поспешно возвращается. Стучит в дверь.

АНТОН. Пожалуйте!

ЛИКА. (Входит с протянутой книгой) Вот! Чуть не забыла. Мои возвращают и благодарят. Тётя и мама плакали от восторга. Пристают ко мне; зачем твой Чехов едет на каторжникам? Мой Чехов, поговорите со мной хоть немножко!

Антон отодвигает бумаги.

Лика снова усаживается и сжимает руки от волнения.

ЛИКА. Зачем? Ей Богу - не понимаю. Это даже нерасчетливо для России. Вы - единственный сейчас, кого всерьёз читают. Вам верят! Вас боготворят! Вам внимает вся Россия! Вы должны писать, писать... Не то... Вы права не имеете... Пусть, пусть надо на Сахалин! Вам виднее! Пусть, надо. Но зачем вы? Разве мало честных и подвижников, но... менее талантливых? Я... Я говорю вздор?

АНТОН. (Мягко) Ликуша, я бы согласился всю жизнь не пить вина, не курить и не жениться, лишь бы слушать такие речи.

ЛИКА. Сибирь такая огромная! И вы, через всю Сибирь, на тарантасе! С вашей любовью к комфорту! С вашей неприспособленностью к физическим нагрузкам! И по холодным сибирским рекам! С вашим-то здоровьем! Это безумие! Вы не вернётесь?

АНТОН. Не делайте из меня мученика, Лика!

ЛИКА. (Подскакивает к нему и прямо в лицо, неприлично яростно и громко) Я знаю, что вы кашляете кровью! Ещё три месяца назад заметила! Вот вам!

АНТОН. (Поспешно) Лика, молчите! Ни слова сестре и матери!

ЛИКА. (Понизив голос) Разве смерть вашего брата Николая от чахотки, не грозное предупреждение для вас? Почему вы так безжалостны к себе? И к другим?..

АНТОН. Лидуся, полно, вы преувеличиваете. Это ничего... (Подняв указательный палец, иронически) Даже хорошо. Это великолепно заставляет строже относиться к себе и беречь время.

ЛИКА. Боже мой!

АНТОН. Вы ещё совсем юная, Лика! И вы пока даже не в силах понять про смерть. Надо работать и работать... И ничего в этой жизни нет вернее, надёжнее и умнее.

Пауза.

ЛИКА. Боже мой! (Ходит по комнате, останавливается у окна) От окон дует! (Прислоняется к печи) Печь холодная. (Отходит) И возле двери дует. Что это у вас сегодня?

Антон, молча, выносит из своей спальни плед для Лики.

ЛИКА. Мерси. (Закутывается в плед и основательно пристраивается в кресле.)

Антон работает.

ЛИКА. А как недавно была пасха! Павел Егорович накурил по всему дому ладаном! Был полный дом народу. Все хохотали, как сумасшедшие! Разговлялись... ходили в Кремль... по церквям... слушали службу... хор... Зашли в какую-то церковь... Вы увидели знакомого художника и спросили: "А какая это церковь?" А он обернулся, уставился на меня, как загипнотизированный, и ответил вам, не глядя на вас, но так серьёзно, солидно: "А ччёрт её знает!". Мы не выдержали, расхохотались и бежали из церкви. Это было или не было, Чехов?

Антон не отвечает, возится с бумагами.

ЛИКА. Были на вечерне в Храме Христа Спасителя. Глядели, как ваш покойный брат расписал стену на хорах. И вы сказали - вот Николай умер, а Храм Христа Спасителя будет стоять, в сущности, вечно! И росписи Николая уже принадлежат вечности. А потом мы стояли на Каменном мосту и вдруг ка-ак зазвонили колокола! (Напевает) Дин-дили-дон-дон... дин-дили-дон-дон, дин-дили-дон-дон... (Пауза) Как странно, что нынче вечером вас уж тут не будет. И больше в этот дом вы не вернётесь. Вам не жаль... этого дома?

АНТОН. Конечно, тут во флигеле было удобно. Хозяева не беспокоят нас, мы не докучаем хозяевам. А до этого комода мы сменили не менее десятка квартир.

ЛИКА. Комод! А, по-моему, маленький готический замок! Какой-то необыкновенный, не похожий на московские дома! Почему-то красного цвета! Должно быть, в Венеции такие дома, или в Неаполе. Как же он был мил, засыпанный белым снегом, в тот вечер, когда я впервые пришла к вам. Вы помните?

АНТОН. (Тепло) Помню, Ликуша, конечно, помню.

ЛИКА. И тут поселятся другие люди. И всё у них будет иначе. И знать про нас не будут. И дела им до нас не будет. Вам не жаль, Антон?

К двери подходит Маша с подносом.

МАША. Антон, открой!

Антон открывает.

МАША. (Подставляет щёку для поцелуя) Доброе утро, брат! Как спал? Ли-ка! Ты уже здесь? (Подходит к Лике и целует её в щёку) Кофе будешь?

ЛИКА. Здравствуй, Маша! Не беспокойся, я завтракала.

МАША. (Ставит поднос, Антону) Как спал? У тебя холодно. Пей же горячий кофе. Мишка убежал, не евши. Мать по этому поводу всё утро страдает.

АНТОН. Сядь, Маша! Будем пить кофе все вместе. Я сейчас принесу ещё две чашки.

МАША. Нет, нет, мне некогда. Я растоплю для тебя печь. (Возится у печи, Лике) Когда тебе надоест общество Антона, подымись к отцу. Отец тебя любит. Попьёшь кофе со стариками. Они о тебе уже спрашивали. У нас - содом. (Антону, озабоченно) Скажи определённо - старый сюртук укладывать или новый?

АНТОН. (Смеётся) Сойду и в старом. (Сушит над свечкой папиросу) Разрешите?

ЛИКА. Ради Бога!

МАША. (Отбирает папиросу) Не кури натошак! (Целует его) Как ты спал? Хорошо, что спросила, а то мать велит укладывать новый. Ещё спорит! (Лике) Почему пропадала? Хандрела? Что-то ты стала хандрить в последнее время. Я хотела к тебе написать, но... Сама видишь, треплюсь адски, в училище не хожу... не будь в претензии. (Целует Лику) Похудела, осунулась... (Антону) Так, новый, или старый? (Возвращается к печи, продолжает растапливать)

АНТОН. Новый, новый... Захлопоталась, Маруся Павловна! Да не забудь, пожалуйста, красную косоворотку, которую ты мне сшила на именины! Хочу прослыть неблагонадежным. И рыбий жир! И карандашей побольше, главное!

МАША. (Выпрямляется) Вот сейчас станет теплее! Да что же вы впотьмах сидите? (Зажигает лампу, сквозь слёзы) Покойный Коля как-то пошутил вот про эту пузатенькую лампу, что она вот-вот разродится дюжиной лампочек помельче.

АНТОН. (Обнимает сестру) Манюнечка, успокойся, что же делать? Ничего не сделать... Ты устала. Ты же у нас главная. Без тебя и каша не варится.

МАША. (Всё ещё сквозь слёзы, всхлипывая) Ты знаешь, Левитан воротился из Парижа. Вот увидишь - непременно придёт проводить тебя! А помнишь, он ведь напрашивался ехать с тобой! Лика, иди к печке, грейся. Ты к нам на весь день? Оставайся, оставайся. Теперь не скоро увидишь Антона! Какие перемены! (Ходит по комнате и зажигает все лампы) Многоуважаемый комод! Спасибо! Спасибо! Тут, в комодe прошла наша юность. Четыре года мы здесь смеялись, влюблялись, работали. Здесь Антон сделался знаменит. Сюда явился наш благовеститель! Маститый Григорович пришёл и сказал Антону: "Вы выше всех литераторов нового поколения! У нас в России нет критики и потому вас не оценили как должно. А мы тогда не относились всерьёз к писательству Антона. Всё ждали, когда же он станет доктором! Сию обитель осветили своим присутствием гениальный Чайковский, Островский, Короленко, Плещеев... и Левитан. О, если бы Антон не ехал на Сахалин, мы никогда не расстались бы с вами, милый старый Комод!

АНТОН. Воспоминания пред тобой свой длинный растянули свиток!

МАША. На душе у меня тревожно, сердце колотится. Но я не поддаюсь своим настроениям! Нет! Никому сейчас не следует думать о своих чувствах! Главное - ты. Но

помни, Антон, что всякую минуту без тебя, я буду в безумной тревоге. Береги себя и пиши нам со всего пути хотя бы через день. А то брошу всё и ринусь вслед за тобой!

АНТОН. Я ещё не уехал, а у тебя уж глаза на мокром месте.

ПОЛЯ. (Из-за двери) Марья Павловна, вы тут?

АНТОН. Доброе утро, Поленька! Заходите!

ПОЛЯ. (Входит) Марья Павловна, вас Евгения Яковлевна просят.

ЛИКА. (С нежностью) Здравствуйте, здравствуйте, Поленька!

ПОЛЯ. Я и не заметила, как вы прошли, барышня! Здравствуйте! Антон Павлович, вам почту принесли.

АНТОН. Спасибо, Поленька! (Берёт у неё газеты и письма)

Поля уходит.

МАША. (Лике) Ждём тебя наверху, Ликуша! (Уходит)

АНТОН. Пейте кофе, Лика!

ЛИКА. Сами пейте! Стынет! Пейте же! Я сделаю один глоток из вашей чашки, если позволите.

АНТОН. Не позволю. У меня инфлюэнца.

ЛИКА. Лестно заразиться от вас и умереть.

АНТОН. Умрёте вряд ли. А станете кашлять, сморкаться и возненавидите меня. (Просматривает газету) “Скучную историю” опять бранят.

ЛИКА. Дайте взглянуть!

АНТОН. Бросьте! От чтения критики в вашей юной головке заведутся тараканы.

ЛИКА. Вы можете быть серьёзны хоть минуту?

АНТОН. (Берёт Лику за руки и внимательно глядит на неё) Что бы вы хотели сказать мне напоследок?

Большая пауза.

АНТОН. Золотовласая сероглазая Лика! (Закашлялся и отошёл от неё.)

ЛИКА. Маша права.

АНТОН. И в чём же так уж права Маша?

ЛИКА. Вы много курите.

АНТОН. Во мне много пороков, Лика! Я пью и люблю женщин.

ЛИКА. Нехорошо.

АНТОН. (Долго и внимательно глядит на Лику) Да. Неважнецки. (Возвращается к своим бумагам)

ЛИКА. Эх, жизнь пропащая! Дайте и мне папиросу!

АНТОН. (Не отвлекаясь от бумаг) Высеку, Мизюкова! Или отцу наябедничаю. Вы - и курите! Это же компот с солеными огурцами!

ЛИКА. Не лицемерьте хоть раз и честно признайте - вам просто жаль папиросу.

АНТОН. Да, я - человек расчетливый, но признайтесь и вы, что просто из тщеславия хотите покурить папиросы великого писателя! Не дам!

Пауза.

ЛИКА. Великий писатель, а чего вы сейчас хотите больше всего на свете?

АНТОН. (Сразу) Праздности! (Интимно) И не ехать на Сахалин! И всё послать к чертям! И идти с вами под ручку по Парижу! Но... зачем-то надо глядеть в письма и так далее, и всё в том, же роде. Надо, надо и надо, Лика!

ЛИКА. (Быстро глотнула из его чашки) Всё-таки украла у вас глоток. Теперь узнаю, что вы думаете! Не буду больше испытывать ничьё терпение и уйду... к Павлу Егоровичу. (Идёт к дверям)

АНТОН. (Встаёт) Лика!

Лика останавливается и стоит, не оборачиваясь, замерев в ожидании.

АНТОН. Вот что, Лика! Скажите там наверху, пожалуйста, чтобы медикаменты не трогали! Сам уложу. Это по моему департаменту.

Лика кивнула, засмеялась, оглянулась, немного подождала и, ничего не дождавшись, ушла наверх.

Антон вернулся к своим бумагам, но глядел мимо, думал о постороннем.

Тихонько входит Евгения Яковлевна.

МАТЬ. Тебе нездоровится, Антошенька?

АНТОН. (Сильно вздрагивает от неожиданности, поспешно встаёт, обнимает мать) Сам заболел, сам себя и вылечу. Как вы, мама?

МАТЬ. (Вздыхает) Напрасно ты с Маней Сахалин выдумали. Ну и что смешного сказала? Ночью спустилась и слушаю, как ты бухаешь-то! Совсем как Николенька покойный перед кончиной. Бух, бух... Воля твоя, не уезжать бы тебе! Мне лавочник говорил, что по Сибири всё душегубы да злодеи беглые. Только мы жить начали полегче. (Прослезилась) Года нет, как умер Николенька... Не езжай, Антошенька, не езжай, сыночек! Душегубов боюсь!

АНТОН. Ну, мать... Я беру с собой пистолеты.

МАТЬ. (Истово крестится) Боже избавь! Разве ты в кого можешь стрелнуть? И вот все врут мне! Так, поедешь?

АНТОН. Надо, мама.

МАТЬ. Будем с отцом всякий день за тебя молиться. А не ехал бы, вот славно- то было бы! Лидочка, погляди-ка, с утра пришла! Без тебя всё веселье у них расстроится. Воротишься, а она замужем! Разве так не бывает? Такая-то жена хоть кому хорошо! Интересная, образованная, деликатная... И сама зарабатывает! Только конфузливая. Нам-то с отцом нравится, а вот вы-то всё побойчее норовите! И чего наша-то Маня замуж не идёт? Не молоденькая, двадцать восьмой год. Всё мне кажется, что вы уже не мои. Ангел ты мой! Полечиться бы тебе! Отдохнуть! Изнурил ты себя работой. Конечно, работа у тебя умственная, не очень тяжёлая, не как бывало у отца в его лавке, но... всё-таки, не надорвись, не дай господи!

Этот нескончаемый монолог прерывает продолжительный звон колокольчика.

Поля открывает.

В прихожую вступает Левитан. Эффектный, одетый с иголки, по последней парижской моде, по чересчур последней. И с тростью.

ЛЕВИТАН. (Приняв живописную позу, громогласно) Крокодилы!!! (Сильно картавит, так что вместо “р” получается “ль”, и шепелявит, так что вместо “ш”- “ф”.)

АНТОН. (Стремительно выскакивает из кабинета с распростёртыми объятиями) Бедуин приехал!

Хохочут, обнимаются, пихаются -оба страшно довольны.

ЛЕВИТАН. Чёрт возьми, как хорошо, как здорово ты выглядишь! Наверное, бросил себя лечить?

АНТОН. Парижанин, самый парижанистый из всех парижан!

ЛИКА. (Бежит сверху) Агасфер!

ЛЕВИТАН. (Подробно и пылко расцеловывает ей руки) Божественная, здравствуй! Здравствуй, божественная!

ЛИКА. (Радостно) Ты изменил своей бархатной блузе! Но глаза всё те же! Вулканические, роковые!

ЛЕВИТАН. Смейтесь, смейтесь все! А Поленов будет с меня Христа писать!

По лестнице спешно спускается Маша.

ЛЕВИТАН. (Устремляется ей навстречу). Пресвятое небо! Мадемуазель Мари! (Ей целует руки с оттенком благоговения) Марья Павловна! Головокружительно похорошели!

АНТОН. Не сглазь!

МАША. С приездом! С приездом! С приездом! (Трижды расцеловывает его в обе щёки)

ЛЕВИТАН. Все у вас живы, здоровы?

МАША. Слава Богу!

ЛЕВИТАН. До чего я стосковался по Москве! Я скучал по вашему милому дому! “Где тёплый дружеский привет нежданно встретил я, где нет ни светской чопорности скучной, ни карт, ни пошлой болтовни, с пустою жизнью неразлучной, но где в трудах проходят дни”. Я скучал в Париже только по вас! Я скучал!

МАША. А ведь мы съезжаем отсюда! Да, хозяин уже и объявление дал о найме нашего флигелька. С понедельника начинаем мучительную эпопею поисков квартиры. Так что, если что-то как-то, где-то услышите...

ЛЕВИТАН. Всё кончается на этом свете! Увы!

МАША. Конечно, тут было архиудобно! И все мы привязались к нашему милому комоду! Но... нет денег! Антоши до декабря не будет! Мы все через две недели на дачу. А платить и за дачу, и за пустую квартиру, знаете ли...

АНТОН. Ма-па захопоталась, а потому в мерлихлюндии. Она и Ликуща, и все их подружки месяца три работали на меня, как негры! Не вылезали Румянцевской библиотеки! Делали выписки по Сахалину. Не знаю, как и сочтусь с ними! Должно быть, угольками на том свете!

И тут все замечают Евгению Яковлевну, которая уже давно стоит в дверях кабинета и усиленно трёт концами фартука глаза.

ЛЕВИТАН. (Порывисто кидается к ней) Евгения Яковлевна! Матушка! Голубушка!

МАТЬ. (Всхлипывает и охает, глядя на Левитана) Левиташа, ой-ёй-ёй... что же похудело так? И бледный какой! И невзрачный!

Все смеются.

ЛЕВИТАН. Так французы разве кормят? Не еда, а сплошное недоразумение! Вот погощу у вас и отъемя! Здоровы ли вы? Что Павел Егорович? Здоров ли?

МАТЬ. Какое наше здоровье? Нынче живы, а завтра - жили! И болеть не бодем, и здоровья нет.

ЛЕВИТАН. А вы, добрая моя, славная моя Евгения Яковлевна, помолодели! И стали носить светлое платье!

МАТЬ. (В слёзы) Только-только с Маней чёрное сняли с себя, только-только!

АНТОН. Нынче у всех глаза на мокром месте.

МАТЬ. (Энергично принимается) Ай-яй-яй! (Кидается в кухню)

АНТОН. Растрогал Бедуин нашу мамашу! Пересолит теперь что-нибудь! В честь моего гнусного отбытия на гнусный Сахалин мы задаём Луккуловский обед! Правда, веритас, магис, атигитиаль, Лика похитила и съела курицу.

ЛИКА. Я - нечаянно! Но бульон остался.

АНТОН. (Несколько раз кланяется Лике) За бульон премного благодарны. Премного! К бульону - рачья печень. За сим - сметки с ванилью. И на десерт - канифоленное мороженое.

ЛЕВИТАН. Я голоден, как Иисус в пустыне!

МАША. Ну, как Париж?

ЛЕВИТАН. (утомленно) Париж? Впечатлений чёртова куча! Чудесного масса! Но ещё больше психопатического! Во всём - пресыщенность крайняя! Здоровье моё плохиссимо, а состояние духа ещё хуже. Впечатления извне ничего мне не дают. Начало моих страданий во мне самом. Поездка куда бы то ни было - беганье от самого себя. Страшно сознавать это.

АНТОН. Идёмте ко мне! Боюсь, наверху ещё не убрано.

МАША. И именно поэтому, я покидаю вас!

ЛЕВИТАН. Нет, Маша, нет, не покидайте нас!

МАША. Дела, дела, но скоро к вам вернусь. (Уходит в кухню)

Антон, Левитан и Лика перебираются в кабинет.

ЛЕВИТАН. (В высшей степени восторженно) Нет, ваша Маша - верх совершенств! Высшие курсы кончила. преподает в гимназии историю и географию. Я уверен, ученицы её обожают. Верно, Лика? Обожают?

ЛИКА. Обожают.

ЛЕВИТАН. На рояле играет превосходно! Верно, Лика, превосходно? Вы же музыкантша?

ЛИКА. Превосходно!

ЛЕВИТАН. И пишет великолепно! (Рассматривает работы на стене) Вижу! Узнаю! Вот это её. И это! Вот - новые работы! Восхитительно! Верно, Лика?

ЛИКА. Вот уж в этом я совсем не разбираюсь, но уверена, что Машу невозможно превзойти, ни в чём.

ЛЕВИТАН. А это откуда взялось? Кувшинникова?

АНТОН. Подарок.

ЛЕВИТАН. Тебе?

АНТОН. Мне. Как великому писателю.

ЛЕВИТАН. Никаких сдвигов со времён Плёса. Застой. Но у Маши, у Маши! И дом держит в порядке! Покой, уют, чистота - всё дело её маленьких ручек. Э-эх! Хоть бы день так пожить, как тебе всегда живётся, Крокодил!

АНТОН. Да, Маруся Павловна у нас Бог домашнего очага!

ПОЛЯ. (За дверью) Антон Павлович!

АНТОН. Заходите, Поля!

ПОЛЯ. (Приоткрывает дверь и просовывает голову.) Карточки принесли! Денег ждут.

АНТОН. Левитан, Лика, ведите себя друг с другом скромнее! (Выходит)

ЛИКА. (Оживлённо) Карточки принесли! Мы на Пасху снялись все вместе на память. Тут во дворе, возле флигеля.

ЛЕВИТАН. А вот прошлогодний этюд Марьи Павловны! Какие сдвиги! Много она нынче пишет?

ЛИКА. Пишет, ничего себе. Но в последнее время много хлопот вокруг Антона Павловича.

ЛЕВИТАН. Чудная, самоотверженная девица! Послала бы она к чёрту Антона! И училище! И пошла бы ко мне в ученицы! Через шесть-восемь лет каторжного труда из неё мог бы выйти толк! Это я говорю, Левитан!

АНТОН. (Входит с фотографиями) О чём это вы без меня? Не верьте Левитану, Лика! Верьте только мне одному!

ЛИКА. Дайте же карточки! Какая прелесть! Обожаю фотографироваться! Ну, вот - у меня глаза косят на карточке! Всегда плохо получаюсь!

АНТОН. (Рассматривает вместе с ней) Лицемерите, Лика!

ЛЕВИТАН. Антон, я знаю, тебе больно будет услышать, но из любви к правде не могу скрыть. Когда ты, белобрысый и добродетельный, уедешь, у меня с Ликушей начнётся роман! Ибо она, едва я вступил на порог, разлюбила тебя и полюбила меня.

ЛИКА. Трепещу при мысли, что лет через сто, некто возьмёт эту карточку и спросит про меня: "А что это за косая барышня возле великого писателя Чехова?"

АНТОН. Ликуша, через сто лет никто и не вспомнит обо мне! И глядя на карточку и на вас, скорее всего, станут говорить: "Какие прелестные барышни были сто лет назад!"

ЛЕВИТАН. Дайте же и мне взглянуть! Конечно же, впереди Крокодил в белом пиджаке, якобы гений! Неужели, ты и правда - гений? Это мне очень обидно! Мне гораздо приятнее, чтоб гений был я один.

АНТОН. С вашего позволения, переоденусь к обеду.

ЛИКА. А я, с вашего позволения, покажу карточки старикам и Маше. (Выходит)

Антон скрывается в своей спальне, оставив дверь в неё открытой. Левитан расхаживает по кабинету и всё рассматривает.

ЛЕВИТАН. Писем-то, писем тебе! А так всё по-прежнему, словно я и не уезжал. Суббота нынче. Небось, к обеду набьются полный дом народу! Значит, всё-таки, едешь? Везде плохо, но на чужбине хуже, чем дома. Где-то от кого-то я уже слышал, что это подвиг с твоей стороны. И ты въедешь напрямик в историю отечества! А я на подвиги мало способен. Разве что - на любовные! Да и ты на них не дурак! Верно, ли я рассуждаю, друг мой! Как же не подвиг?! Порыв твой прекрасен, гуманен. Ты рискуешь здоровьем, да, пожалуй, и жизнью. А какой во всём этом нормальный человеческий смысл? А нареки твою поездку подвигом - и смысла вроде и не надо. Что тебя гонит? От чего ты бежишь? Все редакторы желают тебя печатать. Все театры хватают тебя ставить. Все газеты тебя бранят. Во всех московских гостиных говорят только о тебе. Я ехал в поезде с мамашей двух милых барышень- дворянок. И всю дорогу мы дружно восторгались тобой. Они знали меня как художника, но интересовались мной только как твоим знакомым. Женщины и двух слов с тобой, не сказавши, влюбляются насмерть. Семья твоя тебя обожает. Зачем тебе ещё куда-то ехать? Это я, как вечный жид, не найду себе покоя. Тоска... Тоска... Пропиши мне что-нибудь от тоски! А ты-то, как Илья Муромец, тридцать лет сидел, силу копил и вдруг решил ринуться по городам и весям - за правду биться!

АНТОН. (Из спальни) Мне надо хоть полгода пожить не так, как жил до сих пор. Видишь ли, будь я одинок, я бы объездил всю Россию. И, может быть, весь мир, оба полушария! Деньги! Денежно ужасно напуган! Ты говоришь - гений! А я завишу от недополученных двадцати рублей! Живу семьёй. Ограничить семью материально, в чём бы то не было, не умею. Да и не считаю возможным. Сейчас я спокоен, до декабря семья обеспечена. (Стремительно выходит, уже переодетый, и подходит к карте) Взгляни! Каяться будешь, что со мной не поехал! Нижний. Пермь. Тюмень. Томск. Иркутск. Сретенск. Вниз по Амуру до Николаева. Два месяца на Сахалине. А там - Шанхай,

Манила, Сингапур, Коломбо. Это уже Цейлон, Константинополь. Одесса и снова - Москва! Завидно? (Закашливается)

ЛЕВИТАН. Кашляешь, как Дама с камелиями в последнем акте! Лечиться тебе надо! В Крым! А не на сырой Сахалин! Ты же ещё в прошлом году отыскал у себя признаки туберкулеза! (Подходит к карте) Россия! Плохие дороги! Бестолочь, грубость и хамство чиновников! И жандармов! Зачем ты хочешь со “святыми упокоиться” раньше срока? “Вечная память” от тебя никуда не уйдёт!

АНТОН. До “вечной памяти” мне ещё четверть века! Чепуха! У моих родных и похуже легкие были, а ничего! Скверно самому себе быть эскулапом!

Сверху доносится игра на фортепиано и пение Лики: “День ли царит...”

ЛЕВИТАН. (Глядя в потолок) Превосходный голос! Превосходный! (Пауза) Не понимаю... Чем ты хочешь помочь этим несчастным? С какими правами едешь в этот девятый круг ада?

АНТОН. Без всяких прав. И даже за свой счёт. Не удалось ни от кого добиться официального содействия.

ЛЕВИТАН. (Свистит в тон пению наверху) Первая же чиновничья морда вернёт тебя обратно! Пусть ты известный писатель... Превосходно поёт, превосходно... Пусть лучшие люди России прислушиваются к твоему голосу... Но что ты перед казенной машиной, которая перемалывает и правых, и виноватых? Да и есть ли у тебя силы в одиночку решить эти вечные российские вопросы?

АНТОН. Решить вопросы? Этим пусть занимается правительство! Это их дело! Себя, как русского интеллигента, считаю обязанным правильно поставить вопросы и добиться к ним внимания.

ЛЕВИТАН. (Цитирует с пафосом) “Почему ты не шёл туда, откуда раздавались стоны? Почему ты не самоотвергался?” чье внимание ты хочешь привлечь к Сахалину? Кому до него есть дело? Кому он интересен? Кому, из власть имущих, есть дело хоть до чего-то, что не касается лично его интересов?!

АНТОН. Сахалин - это место невыносимых страданий! Мы ссылаем туда тысячи людей. Вот из этих книг видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей! Сгноили безнаказанно! Мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст! Мы заражали их сифилисом! Мы размножили преступников! Мы доводим всё больше людей до самоубийства! И всё это хотим свалить на тюремных красноносых смотрителей? Теперь вся Европа знает, что виноваты не смотрители, а мы все! Но нам до этого дела нет! Нам неинтересно! Мы презираем мнение Европы и нам уже эта тема наскучила! Мы поговорили, поговорили и бросили! Как легко мы, русская интеллигенция, миримся со страданиями людей! Как легко удовлетворяемся своей личной порядочностью! Как стремимся к комфорту и дорожим им! Ни у кого из нас при такой жизни не может быть спокойной совести! Жить так - значит желать новых жертв для ссылки! Для тюрьмы! Для каторги! И для виселицы!

Пение наверху смолкает.

Мужчины тоже молчат и словно бы чего-то ждут.

И снова наверху - “День ли царит...”

ЛЕВИТАН. (Беспечно) Ах, Чехов, зачем ехать так далеко? В сущности, вся Россия - остров Сахалин. (Длинно вздыхает)

АНТОН. Но надо что-то делать?! Какой смысл в том, чтобы не делать ничего? Совесть моя машет крыльями, но не знает, куда ей лететь. Не повезло. Родиться бы лет на сто

позже! Русский долго запрягает, но быстро едет. А теперь только начал запрягать, а чем кончит - не знаю...

ЛЕВИТАН. И жить в эту пору прекрасную уже не придётся ни мне, ни тебе! (Длинно вздыхает, впрочем, в хорошем настроении) Авель праведен, Каин грешен, а убиты оба. (Слушает пение) Чёрт возьми, как хорошо! Счастливец ты, Крокодил!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вторая половина того же дня.

Перемены такие в прихожей яркие гирлянды флажков. На подоконнике несколько букетов и корзин с цветами. В кабинете всё разложено упорядочено. Антон явно заканчивает возню с бумагами.

Звонит колокольчик.

Спускается Маша и открывает дверь. В дверь протягивают корзину с цветами и грубый простонародный голос: “Велено вручить господину писателю Чехову”.

МАША. Спасибо! (Принимает корзину, запирает дверь, читает записку, вложенную в цветы)...с чувствами... благородная цель... подвижничество... видим будущее... общество слепых. (Смеётся)

ЛЕВИТАН. (Сбегает по лестнице) Марья Павловна! Машетта! Что такое вам Крокодил прописал, что вы всё хорошеете и хорошеете? Цветы от поклонников? Всех застрелю, если не выйдете замуж за меня!

Маша смеётся.

ЛЕВИТАН. (На том же самом месте, где давеча Чехов в шутку стоял на коленях перед Ликой, падает на колени перед Машей и целует её туфли) Марья Павловна! Ма-па! Мне дорога каждая точка на вашем лице! Я отказываюсь жить без вас! Умоляю! Умоляю - да или нет? Сию минуту!

МАША. (Растерялась) Что - сию минуту? Я не понимаю - вы делаете мне предложение?

ЛЕВИТАН. Чёрт бы вас побрал, скорее! Я же ясно выражаюсь!

МАША. Но...

ЛЕВИТАН. К чёрту все “но”!

МАША. Но Антон...

ЛЕВИТАН. К чёрту Антона!

МАША. Но Сахалин...

ЛЕВИТАН. К чёрту Сахалин! К чёрту! К дьяволу! Да или нет?!

Звонок.

МАША. Простите, я сейчас ничего не могу сообразить. Звонят!

ЛЕВИТАН. К чёрту, что звонят!

МАША. Сейчас кто-нибудь придёт! Встаньте же!

ЗВОНОК.

МАША. После, после поговорим!

Левитан махнул рукой и встал. Маша открывает дверь.

Левитан свистит и, не интересуясь, кто пришёл, отправляется наверх.

Входит Дама. Ей далеко за тридцать. Одета дорога, но с нелепыми претензиями.

ДАМА. Я не опоздала? Господин Чехов ещё принимает?

МАША. К сожалению, нет. Он через несколько часов уезжает.

ДАМА. Я подожду. Когда он вернётся?

МАША. Не раньше декабря.

ДАМА. Но сейчас апрель!

МАША. Справедливо.

ДАМА. Но отчего в таком случае вы не сняли табличку: ”Доктор Чехов принимает с часу до трёх”?

МАША. Вы больны?

ДАМА. Я возмущена. Милочка, узнайте, может быть, господин Чехов найдёт для меня время?

Маша сомневается, как поступить.

Дама неожиданно суёт Маше в ладонь купюру.

ДАМА. Это тебе, милочка, на Чаёк! Доложи! Ступина Надежда Михайловна, домовладелица.

МАША. (Со с крытой иронией) Домовладелица? Тогда, наверное, господин Чехов вас примет. Я узнаю. Обождите. (Уходит к Антону, прикрывает за собой дверь) К тебе на приём больная

домовладелица, нуждающаяся в неотложной помощи. Вид у неё отменно здоровый. Прими её! Она мне уже на чай дала!

АНТОН. (Разводит руками) Придётся принять. Приглашай! Минут через десять ты зайдёшь ко мне с каким-нибудь неотложным делом.

Вместе выходят в коридор.

АНТОН. (Даме) Моё почтение!

ДАМА. (возбужденно) Здравствуйте, глубокоуважаемый Антон Павлович!

Маша уходит на кухню.

ДАМА. (Вслед Маше) Какая у вас прислуга дерзкая.

АНТОН. Да, распустил. Прошу вас в мой кабинет.

ДАМА. Мне очень неловко, но я... должна отпустить извозчика, а мелочи нет. Вы не могли бы разменять? (Протягивает ему купюру)

АНТОН. Зачем же отпускать? Пусть извозчик подождёт вас!

ДАМА. Боюсь, мне придётся у вас задержаться.

АНТОН. Я сожалею, но вынужден просить у вас извинения... Видите ли, я сегодня уезжаю...

ДАМА. Ваша прислуга меня предупредила. Я не отниму у вас ни минуты сверх того, что мне требуется.

АНТОН. Разменять я вам, пожалуй, не сумею, но вот есть какая-то мелочь... (Извлекает из карманов мелочь)

ДАМА. (Плачущим голосом) Боже, как неловко... Я брала извозчика у Триумфальных ворот... Подите, дайте ему, сколько сами сочтете нужным... Боже, какая я неловкая, это от смущения...

АНТОН. Не переживайте, ничего страшного, всё улажу. (Выходит на улицу)

МАША. (Выходит из кухни) А почему вы здесь? Разденьтесь, пожалуйста, и пройдите в кабинет! А где Антон Павлович?

ДАМА. (Небрежно) Он рассчитывается с моим извозчиком, милочка.

Антон возвращается.

МАША. Антон! Раздетый - на улицу! С ума сошёл!

АНТОН. Ты права. Не следовало. Сыро. (Даме) Проходите, пожалуйста!

Антон и Дама уходят в кабинет. Маша - вверх.

АНТОН. Извините за беспорядок. Присаживайтесь. На что жалуетесь?

ДАМА. (Сконфужено) Теснение в груди. Кашель. Теснит, словно запеклось что-то и давит, обыкновенно перед сном.

АНТОН. Вы замужем?

ДАМА. Вдова.

АНТОН. Раздевайтесь, пожалуйста!

ДАМА. Как вы сказали?

АНТОН. Разденьтесь! Я послушаю. (Отворачивается) До пояса.

ДАМА. (Раздевается до сорочки) Вы не подозреваете, какие чувства я испытываю.

АНТОН. Теснение в груди - я понял.

ДАМА. Вы не представляете, чем я вам обязана!

АНТОН. Пока ничем.

ДАМА. Вы воспитали меня.

АНТОН. Вы полагаете?

ДАМА. Ваши книги. И, когда их бранят, я готова выцарапать глаза!

АНТОН. Это слишком! У всякого своё мнение.

ДАМА. Своими руками вешала бы за эти мнения! Но мне так неловко, вы - человек занятой...

АНТОН. Я - лечащий врач, и принимать больных - моя обязанность.

ДАМА. Я не вовремя, и вы можете счесть меня назойливой.

АНТОН. А скажите, вам не попадались в продаже такие карамельки с портретами писателей на обертках?

ДАМА. Что? Как? Нет!

АНТОН. (Осматривает, выслушивает, выстукивает.) Не дышите. Представляете, Толстой, Достоевский, Короленко удостоились этой чести, а я - нет. Обидно. Дышите!

ДАМА. (Выдыхает) Обидно за Россию! Или... вы шутите?

АНТОН. Нисколько! Так не больно?

ДАМА. Нет.

АНТОН. Действительно, я себя не видел. А так?

ДАМА. Нет.

АНТОН. Думал, может вам попадались?

ДАМА. А сейчас - дышать или не дышать?

АНТОН. Как вам удобнее. Одевайтесь! Картина ясная. Ничего смертельного. Небольшой невроз. Расстройства желудка нет?

ДАМА. Что вы? Как вы можете?

АНТОН. Замечательно! Выпишу вам капли. (Выписывает) Попринимайте недельку по шестнадцать капель перед сном.

ДАМА. До ужина или после?

АНТОН. После! И поезжайте на лето в деревню, на здоровый воздух. Гуляйте, крутите романы, и сами не заметите, как всё у вас пройдёт.

ДАМА. (Заканчивает одеваться) Я вам так благодарна, так благодарна... Мне уже лучше. Вы действуете на меня...

АНТОН. У вас очень лёгкий случай. Не стоит благодарности. (Ясно даёт понять, что приём окончен)

Пауза.

ДАМА. Я представляю, сколько назойливых бесцеремонных посетительниц, должно быть, осаждает вас, отнимает у вас время от литературы... Поверьте, я не из их числа.

АНТОН. Что вы! Очень приятно было познакомиться!

ДАМА. Несмотря на занятость, вы приняли меня и помогли мне. Чем вам отплатить? Как вас благодарить?

АНТОН. Это моя работа.

Пауза.

АНТОН. Не болейте! Я бы с удовольствием побеседовал с вами ещё, но не располагаю временем. Сегодня я уезжаю.

ДАМА. (Садится) В котором часу?

АНТОН. В восьмом. Но, знаете, перед отъездом всегда много дел.

ДАМА. Когда вы вернётесь?

АНТОН. Рассчитываю в декабре.

ДАМА. Куда вы едете?

АНТОН. Небольшой вояж. Цейлон и ещё кое куда.

ДАМА. У вас, у жрецов искусства такая яркая жизнь, такая праздничная! Никаких земных забот! Я провожу вас! Не отказывайте мне, умоляю!

АНТОН. Меня провожает много народу, родные, друзья.

ДАМА. Я издали. Я не подойду.

АНТОН. Я прошу вас этого не делать.

ДАМА. (Страдальческим жестом трёт виски) Всё кончено! Вы приняли меня за Бог знает кого.

АНТОН. Вы ошибаетесь.

ДАМА. Впрочем, сейчас я уйду, и вы тут же забудете обо мне. Или мельком скажете своим знакомым: "Была пошленькая барынька, объяснялась в любви."

АНТОН. Не имею оснований говорить кому -либо что либо подобное про свою пациентку. И вообще, я - человек приличный. (Смеется)

ДАМА. Тем хуже для меня! Позвольте мне проводить вас! Я имею право!

АНТОН. (Категорично) Очень прошу вас не беспокоиться.

ДАМА. Я напугала вас? (С придыханием и некоторым пафосом) Такой уют, покой, так далеки от жизни в своей высокой башне... И, вдруг, такая буря, которая всё сметает! Чехов – писатель, увы, пронительнее и мудрее Чехова - мужчины... Я намекаю на вашу лучшую повесть "Цветы запоздалые". О, как верно вы описали чувство Маруси к доктору Топоркову! Отчего же в жизни вы не можете разглядеть точно такое же чувство?! Или вас оно пугает? (Рыдает)

АНТОН. (Наливает из графина воды в стакан и подаёт ей) Успокойтесь, пожалуйста.

ДАМА. (Выпивает воду) Вам должно быть часто... Впрочем, мне это безразлично... Вот я и высказалась... Вы меня вынудили... Налейте ещё воды!

Антон наливает ещё стакан и подаёт.

ДАМА. Не мне! Вам! Выпейте воды! Вы взволнованы! (Наступает на него эмоционально агрессивно) Вы живёте в хрустальном замке! Среди цветов и роз! Вдали от чувств! И я врываюсь к вам с чувством! И вы напуганы! И не знаете, что предпринять!

МАША. (Входит без стука) Антон, ты скоро? Ты мне нужен срочно!

ДАМА. Ещё минуту!

АНТОН. Простите, но я очень занят.

ДАМА. Только минуту! Я готова жизнь отдать за эту минуту!

АНТОН. Слушаю вас. Маша, обожди здесь!

Пауза.

ДАМА. Напишите мне, умоляю, напишите мне с Цейлона! Напишите - мне так много надо вам сказать. Полянка. Собственный дом. Ступина Надежда Михайловна. Жаль, что я не знала, что вы нынче уезжаете!

МАША. Поля!

Входит Поля.

АНТОН. (Даме) Всего доброго!

ДАМА. Счастливого вам пути! Я буду молиться за вас Николаю-Угоднику!

АНТОН. Спасибо.

МАША. (Поле) Проводите пациентку!

Дама выходит. Далее ею занимается Поля.

Маша плотно прикрывает двери кабинета и приседает от смеха.

АНТОН. Опоздай ты на минуту, и она бы сделала мне предложение! Она отнеслась ко мне, как к писателю на выданье.

МАША. А ко мне давеча отнеслись как к девице на выданье.

АНТОН. Теряюсь в догадках. Кто? Если это не тайна девичьего сердца.

МАША. Тайна, но не от тебя. Левитан.

АНТОН. Серьёзно, Маша?

МАША. Это он серьёзно. Как в лучших водевилях - бух на колени, африканская бешеная страсть и честное предложение.

АНТОН. И что ты?

МАША. Ничего! И, опять же, как в водевиле - в разгар объяснения звонок, и является эта твоя пациентка. Нам помешали объясниться!

АНТОН. Воля твоя, Маша! Характера у тебя достанет и на Левитана. Но в моём понимании, семейная жизнь - это покой, а не страсти и борьба.

МАША. И в моём.

АНТОН. Значит?

МАША. Отказ!

АНТОН. Ты - самая стойкая из всех моих знакомых девиц! Преклоняюсь перед тобой! Ну, Машетта, последние поручения. Архив я упорядочил. Лишнее бросил в печь. Тебя прошу проследить, как следует, чтобы ничего не затерялось при переезде. Эти мои сборники "В сумерках", "Хмурые люди" и "Детвору" отправь в Таганрогскую библиотеку. И "Власть тьмы" с автографом Толстого туда же. Решил свою библиотеку завещать родному Таганрогу. Разбирался и видел, что масса книг раскрадена. Маша, не делай трагического лица! Я собираюсь прожить ещё сто лет! Но боюсь, что за это время мои добрые знакомые растащат всю библиотеку! И Таганрогу ничего не достанется! И вот тут я написал - все мои деньги и будущие доходы от моих книг - тебе! Заплатишь мои долги и позаботишься о матери.

МАША. Что за мысли? Давай отложим отъезд! Ты понёс массу труда и утомился. Я боюсь. Тебе нельзя сейчас ехать!

АНТОН. Мне нужен хоть кусочек общественной и политической жизни! Хоть маленький кусочек - вот единственное лекарство!

МАША. Я верю, что ты благополучно вернёшься! Я верю! И напишешь свою лучшую книгу! Книгу о Сахалине! И уже никто не посмеет назвать тебя беспринципным, безыдейным, немыслящим! Все признают, что ты - настоящий писатель!

Надежда Птушкина. ...И дрогнет конец цепи... <http://ptushkina.com>

АНТОН. Если честно, то я стал равнодушен к успеху и неудаче. Кавардак утомил меня! Дамы, что лечатся от безделья и влюбляются от безделья! За визиты не платят ни гроша, да ещё заставляют тратиться на извозчика! Всякий день гости и гости! Временем моим не дорожат. Длинные утомительные разговоры ни о чём. Мелкие просьбы. Берут займы и не отдают! Тащат книги! Если художники и писатели - лучшая часть общества, то это очень печально для общества! Да и что это за общество, если у его лучшей части так мало инициативы и гражданского чувства! Жизнь мне кажется какой-то бессмысленной! И временами я начинаю всё ненавидеть!

МАША. Что делать, Антоша? Путь всякого большого художника тернист!

АНТОН. Не говори хоть ты пошлостей! (Пауза) Прости! У меня после смерти брата какое-то раздражение против всех и вся и чувство вины.

МАША. (Не сразу) Ты отдохнёшь, Антоша! После Сахалина увидишь Цейлон, Сингапур, Японию... Живые сказки нашего века! И денежно станет легче. Мишка отделится. И правильно. Что решили отказаться от этой квартиры! Шестьсот пятьдесят рублей в год - тяжело для нас! Я наберу частных уроков...

АНТОН. Ты должна учиться живописи, Маша! А то уйдёт твоё время! Если есть хоть маленький талант - губить его безнравственно.

МАША. Никогда не пожалею, что не стала художницей! У моей жизни иной смысл, иное предназначение.

АНТОН. В твоих чувствах, как и в моих, много здравого смысла. И мы не можем заставить себя не слушаться его! Это скверно, Маша! Это ведёт к застою в душе. Нужна личная жизнь, Маша! Выходи замуж! Моя собственная незаменимая сестра, чувствуешь моё великодушие? Или, расслабься, махни дней на двенадцать в Крым! Заведи роман и поживи во всю ивановскую! Чтоб чертям тошно стало!

МАША. Мерси за совет! Немедленно окрочусь и буду рожать каждый год!

АНТОН. Марья, ты загадочна, как сфинкс. Ты, по-моему, единственная девица на свете, которая искренне не хочет замуж. А ведь, по моим наблюдениям, ты разбила не менее дюжины сердец!

МАША. Представь, гораздо больше!

С улицы раздаётся голос Миши: “Звон победы раздавайся! Веселися, храбрый Росс!!!”

Антон и Маша вперегонки бросаются открывать дверь.

Антон и Маша наперегонки бросаются открывать дверь.

МИША. (Вваливается навеселе) Антуан! Марья! Вы видите своего единокровного брата Михаила последний раз в жизни! В студенческой форме. И избавь Боже впредь меня от всех форм, чинов, орденов, званий, кроме звания порядочного малого и честного писаки! Аминь!

МАША. (Обнимает его) Мишка-свинтус, уже клюкнул?

МИША. Марья, я тебя почитаю, но ты молчи! Ты ничего не понимаешь! Я говорю с братом. Он - студент. И я - студент. Оба - университетские люди. Я горжусь. (Обнимает Антона и повисает на нём).

АНТОН. (Тащит его в кабинет и ворчит) Нашёл, чем гордиться. Русских студентов терпеть не могу! Они же лодыри! (Укладывает Мишу на диван) В университете занимаются чем угодно, только не учатся!

МИША. (Задирает ноги) Верно! Урра-аа!!!

АНТОН. Лекций аккуратно не посещают, конспектов не ведут, занимаются от случая к случаю...

МАША. В основном, перед экзаменами! А, когда, наконец, проходят весь университетский курс...

МИША. Проезжая его, как скрипучая телега, по рытвинам и ухабам...

АНТОН. То не получается из русских студентов интеллигентов, образованных и знающих своё дело специалистов.

МИША. (Изображает вырывание волос и битьё головой об стенку) Мне стыдно! Будь проклят тот день, когда я стал студентом!

АНТОН. (Строго) Большой частью выходят из Университета испорченные четырехлетним бездельем, не годные к серьёзному труду, люди. Но с апломбом и официальным правом судить о том, чего не знают и не понимают. (Пауза, затем торжественно) Но не ты, Финик! Ты

заслуживаешь всяческого уважения за свою тягу к знаниям! За изучение иностранных языков! За писательство!

Маша выбегает.

АНТОН. Маша, куда?

МАША. Сейчас вернусь!

АНТОН. И я, твой старший брат, а, стало быть, лицо ответственное за тебя перед Богом и людьми, наказываю тебе! Не почий, на лаврах! Забудь студенческую праздность! И наполни дни свои тяжким трудом!

Маша возвращается с бутылкой шампанского и бокалами.

МАША. За это и выпьем!

Антон открывает бутылку.

МИША. (Мешает ему с поцелуями) Антуан! Велеречивый брат мой!

Антон разливает шампанское.

МИША. (С бокалом) Спасибо, что дал мне возможность учиться в Университете и кончить его! Благодарю и низко кланяюсь.

Все выпивают. Миша быстро разливает ещё раз.

МИША. Хорош тот, кто поит и кормит, да и тот не плох, кто хлеб-соль помнит!

Выпивают.

АНТОН. И я тебя благодарю.

МИША. За что, брате?

АНТОН. За твою помощь мне! За твоё многолетнее курьерство и секретарство. За унижительные хождения по редакциям за моими, тогда ещё грошовыми гонорарами!

МИША. (С хохотом бросается Антону в объятия) О, ты не забыл, брат! Особенно допекали меня “Новости дня.”

АНТОН. (Хохочет) Пакости дня!

МИША. Вся редакция в одной комнатухе. Забьешься, бывало, в угол и ждёшь часами. А тут же принимается подписка, орут сотрудники, толкаются посетители. А посреди комнаты почему-то рояль! За ним какая-то родственница редактора разыгрывает гаммы! Та-та-та...

МАША. (Взвизгивает от смеха) Мишка - подлец, врешь!

МИША. (Невозмутимо) А рядом учительница изо всех сил отбивает такт ногой и старается всех перекричать. (Изображает учительницу) Раз-два-три... И, раз-да! (Со слезой) Вот так, бывало, сидишь... Сидишь... А сам плачешь и по дому скучаешь. А выйдет издатель: “Чего вы ждёте?” “Да вот - получить три рубля”. (Изображает редактора) “Но у меня их нет! У меня нет трёх рублей! Вот - возьмите контрамарку в театр!” (Слезливо) “Мне бы три рубля!” (За редактора) “Экой, вы, непонятливый! Может, новые брюки возьмёте, вместо ваших трёх рублей?” (Изображает мучительные сомнения) “Брюки возьму.” ”Тогда сходите к портному Аронтрихеру и возьмите у него брюки за мой счёт!”

МАША. Но, всё же врешь, Мишка, всё врешь!

АНТОН. (Обнимает брата) Бедный Финик! Если бы я сам ходил за своими гонорарами, то бросил бы писать! Давайте, ещё по одной! Наклюкаюсь так, что и в поезд не сяду!

МИША. Пусть теперь Маруся Павловна скажет речь!

МАША. Что же сказать? (Вздыхает) Я помню и люблю тебя маленьким гимназистиком в холодном пальтишке! Как ты ходил за три версты в гимназию на Разгуляй! Шёл и заливался слезами! Ты был слабенький, полуголодный, тебя обижали в гимназии. И, уходя из дома, ты просил у матери два платочка. Один для слёз, – ты так его и называл “плакальный”. Тебе предлагали пойти в “мальчики” в амбар. Это и сытнее, и теплее, и под защитой отца. Но ты страстно желал учиться!

МИША. Брал пример с брата. Я понимал, что Антоша в Таганроге бедствовал и голодал, ради того, чтобы кончить гимназию. Продавал наш домашний скarb, и все деньги отсылал в Москву, нам, своей семье. Как мы ждали денег от него! А ещё он писал нам такие весёлые письма! Мы читали все вместе и по отдельности, и хохотали! И я бегал к отцу в амбар, чтобы первым прочитать ему Антошино письмо.

МАША. И, вот, ты, самый младший из нашей фамилии, вышел в люди! Отец и мать спят и видят тебя на казенном месте, на хорошей должности. За тебя!

Выпивают.

АНТОН. (Задумчиво расхаживает) Служба от него не уйдёт. Мишка, наберись храбрости и займись всерьёз литературой. То, что ты сейчас пишешь, неплохо для начала.

МАША. Но его печатают только “Детское чтение”! Серьёзные журналы отказывают.

АНТОН. Да пусть печатается хоть на подоконнике, лишь бы читали и деньги платили! А я как начинал? Через “Будильники”, “Стрекозы” и “Юмористические листки” шёл я к толстым журналам и к сердцам порядочных людей.

МАША. Михаил - не ты. У него слишком слабый характер, чтобы быть свободным художником! Мне кажется, ты напрасно его так ориентируешь. Наши материальные обстоятельства стеснены.

МИША. Миша мог бы попутно подрабатывать хоть нотариусом.

МАША. Худо молиться, коли на уме двоится.

АНТОН. Не понимаю, чем худо - хоть бы на уме и троилось бы! Я же молюсь трём Богам - медицине, литературе и театру!

МАША. Нельзя вас сравнивать! Ты, в его годы, уже кормил семью!

АНТОН. Не надо преувеличивать! Никто не сидел, сложа руки! Все работали! И, кстати, я помогал семье из литературных заработков! У Миши способности к литературе.

МАША. Николай был очень талантлив! Беспорядочная безответственная жизнь погубила его! Он не успел создать ничего, по-настоящему значительного. Не успел даже закончить свои лучшие работы!

МИША. Маня, ну не надо так о покойном брате, Николаше...

МАША. Хорошо! Буду говорить только о живых! Наш старший брат, Александр, как мы им гордились! Окончил университет по двум факультетам. Блестящий лингвист, великолепный журналист, способен к естественным наукам. Хотел получить степень магистра. Потом доктора. Стать профессором Московского Университета! А что вышло? Два скороспелых брака! Нарожал детей! В доме грязь, тараканы, безденежье и ссоры! Свободный художник! Иван, ваш брат, и я, ваша сестра - тоже люди не без способностей! Мы - учителя. Работаем на казенных местах. Честно выполняем свой долг и приносим посильную пользу обществу. Мы независимы денежно. Мы почитаем родителей и, по мере своих сил, стараемся покоить их старость. Отец живёт у Ивана, как у Христа за пазухой. Мать у нас ни в чём не знает отказа! Наш дед был крепостной. Отец - лавочник. Антон стал знаменитым на всю Россию писателем! Письменный стол - его алтарь. И на этот алтарь он положил свою молодость! И ежедневно приносит в жертву на этот алтарь своё здоровье! И свою личную жизнь! Проверь себя прежде, Миша, способен ли ты на всё это?

МИША. Я принадлежу к нормальной семье. Я - университетский человек. Мне должно трудиться. На всякой службе можно приносить пользу. Да и хватит сидеть у тебя на шее, Антон! Надо чем-то жить! Надо помогать сестре и матери!

АНТОН. Мы придаем слишком большое значение деньгам! Это из-за среды, в которой мы выросли. Нельзя так!

Бьют четыре раза часы.

МАША. Ого! Сейчас появятся гости! (Забирает бутылку, бокалы и уносит на кухню)

АНТОН. Отложим решение до моего возвращения. Ты только кончил университет. Отдохни! Оглядысь! Поезжай летом на дачу! Им нельзя оставаться без мужчины. А там видно будет.

МИША. Я не могу отказаться от службы. Такое начнётся в семье, не приведи бог! Но обещаю тебе, Антоний, - писать не брошу!

АНТОН. Что-нибудь придумаем!

Звонок. Поля открывает.

Из кухни выходит Маша.

Из кабинета - Антон и Миша.

Входят Кувшинниковы.

СОФЬЯ. (Антону резко) Замереть! Не двигаться!

Антон замирает в шутовской позе.

СОФЬЯ. (Обходит вокруг него) Я поняла, как вас надо писать. В вашем лице, при всей интеллигентности и благородстве, есть эдакая, простодушная складка. В глазах у вас лукавство деревенского парня. Верно, Кувшинников?

КУВШИННИКОВ. (Здоровается со всеми за руку) Да, Душа моя!

Надежда Птушкина. ...И дрогнет конец цепи... <http://ptushkina.com>

СОФЬЯ. (Антону) Дайте, я пожму вашу честную руку! (Двумя руками энергично встряхивает руку Антона)

Антон всё в той же позе. Все смеются.

По лестнице спускаются оживлённая Лика и томный Левитан.

ЛИКА. (Ещё сверху) Софья Петровна, приветствую вас!

МИША. Левитан! Мизинова! Какие люди у нас сегодня! А Маня и Антон молчат! (Подхватывает Лику и кружит) Лишь только к нам зазвонит Лика, мы все, от мала до велика, её слышав робкий звон, стремимся к ней со всех сторон!

ЛИКА. Кончил университет, студия? (Целует в щёку) Поздравляю!

ЛЕВИТАН. Ну-с, Россию можно поздравить с новым прокурором! Я подарю тебе копию своей "Владимирки".

МИША. Не люблю шуток на эту тему! Ни прокурором, ни судьей быть не желаю! Требовать наказания, вплоть до смертной казни - противно моим нравственным принципам!

МАША. Миша, как самый красноречивый в нашей семье, станет адвокатом!

Софья, оставленная без внимания, сама с себя снимает ботинки и сама себе говорит: "Мерси!"

Антон замечает и помогает ей разуться.

СОФЬЯ. (Антону) Мерси!

Поля снимает с Софьи накидку.

АНТОН. (Софье) Не могу подобрать достойного комплимента вашей модес робес!

СОФЬЯ. (Крутится, демонстрирует всем тунику) Обратите все внимание!

Восторженные неразборчивые восклицания со всех сторон.

СОФЬЯ. Материю красила сама. Цвет смеси тюльпана, апельсина, солнечного заката и преступной страсти! (Неожиданно целует Лику в щёку) Непременно! Непременно писать с неё Царевну-Лебедь! Верно, Кувшинников?

КУВШИННИКОВ. Да, Душа моя!

Спускается Евгения Яковлевна.

СОФЬЯ. (Простирает к ней руки) Здравствуйте, добрейшая, гостеприимнейшая Евгения Яковлевна!

МАТЬ. Милости просим!

СОФЬЯ. Кувшинников, ты забыл?

КУВШИННИКОВ. Да, Душа моя! То есть - нет, Душа моя!

СОФЬЯ. Антон Павлович, мы приготовили вам сюрприз!

КУВШИННИКОВ. С вашего позволения! (Вешает Антону через плечо бутылку в кожаном футляре на ремне).

СОФЬЯ. И строгий наказ! Этот коньяк вы должны выпить только на берегу Великого Океана! Все смеются и аплодируют.

МИША. Антонию - и коньяк, и Цейлон, а мне - шиш!

АНТОН. (Кувшинниковым) Спасибо!

МАША. Лика, посмотри, какой красивый футляр!

СОФЬЯ. Я целый вечер корпела над этим футляром! Во всех салонах - ваша поездка - самая модная тема! Ходят упорные слухи, что каторжники для вас только предлог, а едете вы ради политических заключенных.

АНТОН. Это неверно! Начальник главного тюремного управления позволил мне осмотреть весь Сахалин. Но, поставил условие - с политическими заключенными не встречаться. И я это условие принял.

СОФЬЯ. А что интересного может быть в каторжниках? Я их вижу всякий день! Погостите у нас на Кулижках, как теперь говорят - на Куличках у чертей. Таких экзотических типов посмотрите. Исааку же не понадобилось далеко ехать, чтобы написать свою гениальную "Владимирку"? Она сделала его первым пейзажистом России! Верно, Кувшинников?

КУВШИННИКОВ. Я не смыслю в пейзажах, Душа моя! Но каторжники низведены до жалкого состояния. И подать голос в их защиту - дело святое! Антон Павлович, и как врач, и как писатель, поставил перед собою благородную цель.

СОФЬЯ. Кувшинников, ты прав! Ты и Антон Павлович - честные серьёзные люди!

ЛЕВИТАН. Я, и в самом деле, хотел бы поехать с Антоном, но проклятая невралгия от дрызг и злобы людей... Отложи до будущей весны! Поедем вместе!

ОТЕЦ. (Сверху) Тогда он станет похож на того обывателя, который каждое утро, прежде чем надеть сапоги, долго крикает, охает и почёсывает поясницу.

Звонок. Поля открывает. Скромно, бочком входит Иваненко и тут же конфузится от многолюдья.

ИВАНЕНКО. О, тут уже весь мир!

АНТОН. Иваненко пожаловал! (Кувшинниковым) Вы, кажется, не знакомы? Иваненко! Верный друг всей нашей семьи! (Иваненко) Кувшинниковы. Софья Петровна. Художница. Ученица Левитана. Трепещите, Иваненко! Её картины неоднократно приобретал Третьяков. Дмитрий Павлович, её супруг. Мой коллега - врач.

Звонок. Поля открывает. Стремительно входит Кундасова.

КУНДАСОВА. Приветствую милую Чехию!

АНТОН. (Кундасовой, пародируя Кувшинникову) Замереть! Не двигаться! (Обходит вокруг Кундасовой - все смеются) Срочно писать с неё молодого послушника.

МИША. Астрономка, позвольте поухаживать за вами! (Помогает Кундасовой раздеться)

КУВШИННИКОВА. (Мише) Эй, Английская грамматика! Не выгнали ещё из Университета?

МИША. Не успели. Сегодня сдал последний экзамен.

КУВШИННИКОВА. Не запинались?

МИША. (Дурачась и кривляясь, отбарабанивает) Русская монархия есть нечто своего рода, и, может быть изучаема, лишь в своей индивидуальности. Смешивать её с другими существующими монархиями, значит ложно понять её. Неограниченность в России верховной власти доказывает...

АНТОН. Вот и кончилось моё юридическое образование! Финик вечно разбрасывал лекции по уголовному праву, судопроизводству, тюрьмоведению. А я читал их от нечего делать.

МИША. Признайся, что сахалинскую идею выудил из моих лекций!

КУНДАСОВА. Я, конечно преклоняюсь и всё такое прочее перед самоотречением Антона Павловича... но, в сущности, напрасно вы едете! Ничего не переменит ваша поездка в нашей бедной России!

ОТЕЦ. Не только свету, что в окне! Из избы выйдешь - больше увидишь!

КУНДАСОВА. Сахалин - это такое ужасное место, господа! Про него говорят - "вокруг море, а посередине - горе". Я делала выписки для Антона Павловича, и теперь про Сахалин знаю всё. Военным, которые там служат, платят огромные деньги и считают год за два. Но все они мечтают вырваться! Тем более, не секрет, что наше правительство любит обещать, но не любит выполнять своих обещаний! Так что же? Подарить Сахалин Японии или Китаю? Ссылать туда – безусловно, единственный выход! Да, да, господа, я оправдываю насильственную колонизацию!

АНТОН. Жизнь человека, даже совершившего тягчайшее преступление, не должна рассматриваться как средство для чего бы то ни было!

ИВАНЕНКО. Я так понимаю, Антон Павлович, что вам близка, так сказать, краеугольная идея христианства - всякая человеческая душа... всякое человеческое существование представляет собой самостоятельную, неизменную, абсолютную ценность?

КУНДАСОВА. Да не в Сахалине дело, господа! Всякая борьба в России обречена! Жизнь мельчает. Ум сужается. Энергия суетлива. Личность стирается. (Входит в азарт, сильно жестикулирует)

Миша у неё за спиной незаметно для неё её передразнивает.

КУНДАСОВА. Общечеловеческие интересы формальны! Главное - интересы мещанского благосостояния! По этому пути мы повторим Китай! Может, какой-нибудь кризис и спасёт от Китайского маразма! Но откуда он придёт? Посмотрите кругом! Что в состоянии поднять народ? Есть ли такая идея? Может ли ещё родиться? Мы идём из несовершенного мещанства в мещанство совершенное!

Все смеются.

КУНДАСОВА. Я сказала что-то смешное?

ЛЕВИТАН. В нашей русской жизни, на самом деле, много неблагополучного. Но пошлость и мещанство нам чужды! Некультурная страна Россия, а люблю её, подлюю!

ОТЕЦ. Антоша, почта была?

Надежда Птушкина. ...И дрогнет конец цепи... <http://ptushkina.com>

АНТОН. Да, “Новости”, “Биржевые ведомости” и “Врач”. Возьми у меня.

Отец уходит в кабинет Антона.

АНТОН. Идёмте-ка, в гостиную, господа!

Все поднимаются по лестнице. И отец выходит с газетами из кабинета и идёт за ними на второй этаж, по пути просматривая газеты. Левитан задерживается, просматривает записки, приложенные к цветам. Кувшинникова возвращается и останавливается возле Левитана.

Левитан спохватывается, хочет избежать тет-а-тет, но Кувшинникова заступает ему дорогу на лестницу. Они смотрят друг на друга и молчат.

КУВШИННИКОВА. У Чеховых лестница как в Дворянском собрании.

ЛЕВИТАН. Не надо, Софья, только не надо сцен, хотя бы здесь...

КУВШИННИКОВА. Чем это у них обиты перила?

ЛЕВИТАН. Манчестером. Прошу вас - не надо здесь сцен!

КУВШИННИКОВА. Вы окончательно избегаете меня. После Плёса вы не дали мне возможности, объясниться с вами.

ЛЕВИТАН. Я устал.

СОФЬЯ. Вам нравится Лика?

ЛЕВИТАН. Нет.

СОФЬЯ. Маша?

ЛЕВИТАН. Нет.

СОФЬЯ. Кто?

ЛЕВИТАН. Я застрелюсь.

СТОЛОВАЯ.

Небольшая комната со светло-жёлтыми обоями. В центре - длинный обеденный стол. Вокруг - скромные венские стулья. Над столом - лампа на блоке, с белым стеклянным абажуром. Белая кафельная печь. На двери - вишнёвая драпировка. На стенах - подносы, декоративные тарелки. На подоконниках - азалии, фикусы. На стенах - в жардиньерках - кактусы. Огромный аквариум. Господствуют светлые радостные тона.

Все уже расселись. Кувшинникова и Левитан медленно поднимаются по лестнице.

ОТЕЦ. (Закончил листать газеты, в сердцах) Безобразие! Позор! Ни строчки о твоём отъезде! Возвеличивают казака Пешкова! Он, и верноподданный, он и патриот! Снят на карточке с великим князем Александром Михайловичем! Подумаешь, какой патриотизм и любовь к Родине - проехать в честь государя от Благовещенска - на - Амуре до Петербурга! Орденом пожаловали!

КУНДАСОВА. А-а... Всё мразь!

СОФЬЯ. (С порога) А кобыла казака Пешкова? Ей пожаловали орден? (Садится возле мужа)

Общий смех.

МАТЬ. Хватит, Отец! Давайте обедать! (Крестится) Поля!

Поля разливает всем суп.

ОТЕЦ. (Изо всех сил хлопает Мишу по спине) Вот и всех детей в люди вывел! Хоть сам и учился на медные деньги!

МИША. Потихе, отче!

ОТЕЦ. Теперь надо на казенное место идти, чтоб не дуть в кулак.

МАТЬ. Антошенька, ухаживай за барышнями!

ЛЕВИТАН. (Садится) За барышнями ухаживать буду я! Крокодил, ответь мне - почему к тебе в гости ходит так много порядочных интеллигентных и изящных барышень?

МАТЬ. Они - не гости. Они - свои!

ИВАНЕНКО. И сейчас, если позволят мне выразиться... Сию столовую украшает девица необыкновенной красоты...

АНТОН. Умри, Иваненко, лучше не скажешь! Маня, Ольга, Лика! Вот вам великолепный повод, вцепиться друг другу в волосы!

МАТЬ. И вот всё врут! Манечка, угощай людей!

Надежда Птушкина. ...И дрогнет конец цепи... <http://ptushkina.com>

АНТОН. Угощать буду я! Кушайте этот балык, господа! Он стоит два рубля семьдесят пять копеек за фунт! Вот эти кильки не сорокакопеечные, как вы можете по неосторожности предположить, а по шестьдесят копеек - жестянка! Пить будем “Марсалу”. Мишка, сколько ты платил за неё?

МИША. Два рубля восемьдесят копеек - за бутылку.

АНТОН. До чего же накладно поить дам “Марсалою!”

МАША. Мальчики, перестаньте!

АНТОН. Выпьем водки - рюмки по три, а дамам - по одной! (Разливает водку)

Миша разливает женщинам вино.

КУНДАСОВА. Пардон, но мне - водку!

АНТОН. Левитан, что ты шепчешь Лике?

ЛЕВИТАН. Соблазняю её!

АНТОН. Зря стараешься! Она добродетельна. (Встаёт с рюмкой) За мать и отца! За самых дорогих мне людей! По гроб жизни буду вам благодарен за то, что вы нам, своим детям, дали образование!

ЛЕВИТАН. Присоединяюсь к вашему вдохновенству! Своего дома и семьи никогда у меня не было. И всю душой я люблю ваш дом и вашу семью!

ИВАНЕНКО. И я нашёл тут семью и приют в бурях жизни.

Все чокаются и выпивают.

МАТЬ. А знаете, как Антоша начал писать? Мы жили тогда бедно. Работали, конечно, кто сколько мог и умел. Маша стряпала, стирала, штопала. По её милости никто из нас не ходил грязный или мятый. Одевались бедно, конечно, но чисто и аккуратно. Я вязала целыми днями платки и продавала их по пятнадцать копеек. Миша, маленький, слабенький, вставал задолго до рассвета и отправлялся в лавки за хлебом и ещё за чем-нибудь съестным. Отец и жил, и питался при амбаре, у хозяина. Старший сын, Александр, помогал мало. А покойный Николенька уже тогда начал пить и сам забегал к нам поесть. Антон был студент. Целыми днями учил науки. И очень огорчился, что вот скоро мои именины, а пирог и не на что сделать. Взял и написал рассказ! Рассказ напечатали! И получил он несколько рублей. (Смеётся) Справили именины! И с этого времени стал он кормильцем семьи. За Антошей ничего не страшно! Положите себе рыбки, Исаак!

ЛЕВИТАН. Спасибо! И огурчик возьму!

ОТЕЦ. Дай Бог, Антон, чтобы чувства твои к семье не переменялись до гроба!

МАТЬ. Кушай, Антошенька! Когда теперь по-людски покушаешь?

АНТОН. На Сахалине буду есть настоящую рыбу. Стерлядей! А устрицы там почти даром! А вот очень хочется мне знать, кто будет, когда я уеду, кутить с вами, Лика, до пяти часов утра? Как хорошо, что у Иваненки нет денег! А то убил бы его из ревности прямо по приезде!

ЛЕВИТАН. И тебя бы отправили вторично на Сахалин, но уже на казенный счёт, а не за свой.

ОТЕЦ. Сегодня четырнадцать лет, как я приехал жить в Москву. Тоже весна была. Такая же сырая и холодная, как и нынче. Только денег совсем не было! Я тогда четыре дня не ел. Евочка, воздержись от скромного, помни о страшном суде!

АНТОН. Папа, я, как доктор, категорически заявляю - масло необходимо маме каждый день!

ЛЕВИТАН. Отчего, Евгения Яковлевна, у вас так всегда огурцы вкусны?

ОТЕЦ. Солим в тыквах!

СОФЬЯ. Прелесть, прелесть! Гляжу на ваш стол и думаю - как жаль, что я не пишу натюрмортов! Какое изобилие! Какие краски!

МАТЬ. (Кундасовой) Олечка, а вы совсем не кушаете!

КУНДАСОВА. Не обращайтесь на меня внимания!

АНТОН. Левитан, отодвинь от Лики мучное!

МАТЬ. И не выдумывай, совсем Лидочка не полная! Я не люблю, что худые нынче в моде! Кушай, Лидочка, не слушайся его!

ЛЕВИТАН. Разрешите тост?! У Гоголя вычитал выражение Кольчугина Ивана Григорьевича, московского книгопродавца: ”Эти журналисты со своими книгами, как девушки с платонической любовью - люблю, люблю, а всё ничего нет!” Так выпьем же за отъезд, который есть и за триумфальное возвращение! Ваше вдохновение!

Все чокаются и выпивают.

ОТЕЦ. Молитвами святых московских чудотворцев, вернётся Антоша жив и здоров. Может, орден ему дадут! Помню, как мальчиком в голод я ел дубовую кору и лебеду. А ещё деготь пили при холере. Во внутрь - деготь. (Вздыхает)

Поля меняет тарелки и уносит лишнюю посуду вниз.

АНТОН. Когда вернусь, сразу женюсь на толковой образованной девице. И в медовый месяц сядем с ней разбирать сахалинские записи! Марью эксплуатировать хватит! Пусть заводит себе личную жизнь!

ЛЕВИТАН. Удивляюсь, Антон, что ты до тридцати лет холост, когда вокруг тебя столько красавиц!

ИВАНЕНКО. А помните послание апостола Павла к коринфянам? Я хочу, чтоб вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем! Как угодить Господу! А женатый заботится о мирском. Как угодить жене.

ЛЕВИТАН. И я женюсь. Устал. Хочу семьи, ласки, участия.

АНТОН. Бедуин, если ты намекаешь на Лику, я отравлю тебя! И пусть я буду Сальери, а ты Моцарт.

КУНДАСОВА. Не поняла - поздравлять или не поздравлять Левитана?

АНТОН. Как ви наивни! Поздравлять! Берёт за невестой два дома на Маросейке и десять малолетних детей!

ЛЕВИТАН. А вы что скажете, Марья Павловна?

МАША. Я думаю - всё это несерьёзно. Вы имеете такой успех у женщин, что ваша будущая жена должна быть слишком не ревнива.

ЛЕВИТАН. Да, женщины любят меня! И я сильно увлекаюсь иногда. Но жениться я хочу только на одной.

КУНДАСОВА. А я хочу теперь перенести тебя в твой мир, где должен ты будешь род Адамов умножать, есть, пить, терпеть, работать, трепетать, смеяться, плакать, спать и умереть.

СОФЬЯ. А у меня к вам просьба, Антон Павлович. Вы будете проплывать мимо Плёса. Увидите кладбище, церковь, одинокий дом на горе под красной крышей... Поклонитесь всему от меня! Унылая гармония, но я провела там счастливейшее лето. Мы с Левитаном там много работали и удачно.

АНТОН. (Учтиво) Непременно. Выйду на палубу и поклонюсь от вас.

ЛЕВИТАН. Чёрт побери, отчего всё на свете кончается? Скучно мне будет без твоей гнусной физиономии, Крокодил!

МИША. Поездка - это хорошо и дельно задумано. Но тягостно провожать тебя! Твоё отсутствие будет для меня весьма чувствительно. Ты ещё не уехал, а дом уже как-то пустеет. Порядок и стройность нашей жизни рушатся на глазах.словно ты один занимал собой сразу все комнаты!

ИВАНЕНКО. И нигде я так счастливо не проводил время как в вашем комодe! Сколько чая я здесь выпил! Фунтов пять, должно быть! Сколько переел обедов и ужинов! Я ценю ваше доброе отношение и ласку. В бедственном положении вы меня поддержали. Не дали пропасть, остановили на краю гибели. Нашли мне работу. Словом, я страшно буду скучать без вас, Антон Павлович! (Утирает слезу)

МИША. Кончилась идиллия в нашем доме! За идиллией обыкновенно следует драма.

МАША. (Сквозь слёзы) Мишка, ты - дурак!

АНТОН. (Маше) Тебе и маме не надо провожать меня до Загорска. У вас и так глаза на мокром месте. Отплачьтесь уж в Москве, чтоб не повторяться в Лавре.

МАША. Да. (Кундасовой) А послезавтра в училище, Ольга, к нашим ученицам!

КУНДАСОВА. (Заметно опьянела) Возможно, я поплыву с Антоном Павловичем до Кинешмы.

АНТОН. Рад. Благодарю вам!

КУНДАСОВА. В оврагах у Кинешмы у меня назначено кое с кем свидание.

АНТОН. Завидую счастливцу! Прошу прощения. Я уйду к себе на четверть часа. Надо черкнуть ещё несколько деловых записок. Спасибо, Маша, жаркое превосходное.

МАША. А где Поля? Пора убирать со стола.

АНТОН. Я пришлю Полю. (Спускается по лестнице)

МИША. Иваненко - за рояль! (Поёт "Славься")

ИВАНЕНКО. Ну, голос...

МАША. Запел всё-таки! Что за гадкий голос! Просто душу рвёт!

Все смеются. И больше в столовую мы не вернёмся.

Антон вступает в прихожую и слышит всхлипывания. Подходит к вешалке, раздвигает пальто и обнаруживает плачущую Полю.

АНТОН. Поленька, что за невидимые миру слёзы? Кто вас обидел? Вас обидели?

ПОЛЯ. Нет, нет... зубы разболелись.

АНТОН. Так давайте же предпримем что-то с вашими зубами!

ПОЛЯ. Спасибо, Антон Павлович! Уже прошли. Я пойду. (Уходит в кухню)

Антон стоит некоторое время в недоумении, затем уходит в свой кабинет и усаживается за стол.

Звонок. Поля открывает.

ЭФРОС (Входит уверенно и решительно, Поле) Новая прислуга?

ПОЛЯ. Да-с.

ЭФРОС. (Прислушивается к звукам на втором этаже) Антон Павлович дома?

ПОЛЯ. Да-с. Но они сегодня уезжают и посторонних не принимают.

ЭФРОС. (Кивает наверх) Там - кто? Что-то не слышу его голоса?

ПОЛЯ. Антон Павлович у себя в кабинете.

ЭФРОС. Один?

ПОЛЯ. Да-с.

ЭФРОС. А Марья Павловна?

ПОЛЯ. Наверху с гостями. Сейчас позову.

ЭФРОС. Не надо! (Суёт Поле деньги) Вот - возьми! И никому ничего не говори! Антон Павлович меня ждёт! (Не раздеваясь, быстро и, не постучав, проходит в кабинет Антона)

АНТОН. (Изумлённо) Дуня?

ЭФРОС. Каково нынче ваше мирозерцание? Сколько строчек написали? Почём за строчку? Я пришла забрать свои письма! Не волнуйтесь, нас не застукают! Я дала вашей прислуге три рубля за молчание. Кстати, фальшивые! Мой брат, жидок, рисует идеально. Иллюзия полная! Что уставились как на приведение? Глаза вывихнете! Давайте быстро письма! А то проклятая Машка пронюхает! Лезет во всё! И меня нынче терпеть не может! (Грубо и лихорадочно сама копается в бумагах Антона, разбрасывает их)

АНТОН. Да что вы вечно злитесь, вздорное создание? Не мните фотографии! И не ломайте карандаши! Не учиняйте мне беспорядка! Вот - ваши письма! Хотел их взять с собой.

Эфрос быстро просматривает письма и кидает в огонь.

ЭФРОС. Желаю вам растряситься на перекладных! Застрять во льдах! Околеть от восторга, что вы - великий писатель! Подцепить у сингапурских девок дурную болезнь! После путешествия вы уже будете не круглый, а кругосветный болван!

АНТОН. Напрасно вы четыре года назад отказались выйти за меня замуж. Сейчас мы с вами уже давно развелись бы! Но за те год-два, что прожили бы вместе, сколько гадостей вы могли бы мне наговорить беспрепятственно!

ЭФРОС. Замуж за вас? Замечательно было придумано! Но, вы же так беспокоились, что ваших родителей огорчит гражданский брак! По-вашему, я должна была принять православие и остаться без копейки! Отец лишил бы меня денег! Но это ведь такие пустяки по сравнению с честью быть вашей супругой! Жить вместе со всей вашей семьёй! Ну и что - что в нищете? Медовый месяц провести в проходной комнате! А летом отдыхать на грязном хуторе у хохлов! Учиться у Маши и вашей маменьки шить вам сорочки и стряпать! Полгода собираться купить себе новую шляпку и советоваться по этому поводу со всей семьёй! Я начинаю сожалеть об утерянной возможности быть женой великого писателя!

АНТОН. Начинаете сожалеть? Но ещё не поздно, Дуня!

ЭФРОС. Видите ли, я не могу променять своих лошадей на вас! И отдыхать я люблю за границей! Я - франтиха! И не могу одеваться так дешево и смешно, как Маша! Я привыкла тратить на себя деньги, не считая и не перед кем не отчитываясь! (Внезапно замолчала)

АНТОН. Знаете, Дуня, мой брат Иван написал одному гимназисту на сочинении "чепуха", а тот прочёл по латыни - "реникса". Всё, что вы говорите - реникса. А вы, между тем, и похорошели, и характер у вас сделался потише.

ЭФРОС. Антон,, Антон! Всё пустяки и трин-трава! Денег у меня довольно! Плюньте на всё! Махнём куда-нибудь! За границу! В Париж!

АНТОН. Реникса. Вы, как были, так и остались фантазёркой!

ЭФРОС. Зачем, зачем мы оба несчастны? Ради чего? Да, вы не ошиблись в себе! Вы теперь знамениты! А по-прежнему живёте в убогой обстановке. Щами воняет в прихожей. Зачем вы так живёте? У вас такая напряжённая духовная жизнь! Вы столько страдали и страдаете, что хотя бы внешне должны быть окружены комфортом! О-о, ваши драконы косятся на меня и хотят покусать! (Бьёт по подсвечникам рукой в перчатке и отдергивает руку) Но! Но-но! Чёрт! Прожгла перчатку! (Стягивает перчатку и бросает на пол) Мой шнурок! Вы носите его до сих пор! Извольте вернуть! (Тянет за шнурок на шее у Антона)

АНТОН. Злючка! Пустите же! (Снимает сам, кидает ей, потирает шею) Чуть не удушила! Эта петля - символ того счастья, которое вы и способны только дать.

ЭФРОС. Прощайте! Я по-прежнему безумно люблю вас! Чёрт бы вас побрал! (Стремительно покидает кабинет и бежит к входной двери)

АНТОН. (Выскакивает за ней) Дуня!

Эфрос резко останавливается, бежит обратно и кидается ему в объятия. Долгий поцелуй. Очень долгий.

На лестницу наверху выходит Лика. Видит. Прижимает руки ко рту. Потом едва не падает, хватается за перила. Стоит и глядит на них.

Лику не заметили. Эфрос резко отталкивает Антона и убегает.

Антон замечает Лику, грустно разводит руками и уходит к себе.

Лика сбегает вниз, лихорадочно ищет свою накидку и не может отыскать.

Антон в кабинете подымает перчатку, рассматривает её, целует и бросает в огонь.

МАША. (Наверху лестницы) Лика? Кто-то приходил?

Лика не отвечает и не показывается.

МАША. Поля!

ЛЕВИТАН. (Выходит вслед за Машей) Марья Павловна, я жду ответа.

МАША. Поймите меня правильно. Я не могу расстроить привычный образ жизни Антона Павловича. Я не могу лишиться его порядка, столь необходимого ему. Я не могу лишиться его той творческой обстановки, которую всегда стараюсь ему создать. Я не могу! Я не могу причинить ему неприятности! Жизнь моя принадлежит ему и никому более.

ЛЕВИТАН. (Свистит) Преклоняюсь и играю отступление.

Снова пение Миши.

МАША. (Кричит в гостиную) Мишка, надоел! Мочи нет! (Спускается вниз)

СОФЬЯ. (Подходит к Левитану) Скажите только одно- вы бросили меня окончательно?

ЛЕВИТАН. Я устал.

СОФЬЯ. Что это означает? Не мучайте меня! (Хватает его руки и целует) Вы - последняя страница моего романа!

ЛЕВИТАН. (Вполголоса) Я застрелюсь. В третий раз застрелюсь. Этого вы все добиваетесь? (Уходит обратно в гостиную)

Софья садится на ступеньки и кладёт голову на перила.

Маша стоит среди прихожей, сдавливая пальцами виски и повторяя: "Боже мой, Боже мой..." Замечает Лику, тут же подходит к ней.

МАША. Ты прячешься? Что с тобой? Ты чем-то расстроена? Что ты тут делаешь одна?

ЛИКА. Я уйду. Зубы разболелись невыносимо.

МАША. Как обидно! Именно сегодня! И братья Иван и Александр так хотели тебя повидать. Скоро они подъедут. Как ты повзрослела, Лика! Ещё полгода назад ты была такая смешная и говорила своей младшей группе: "Медам, тшш... медам, тшш..." Мне захотелось показать тебя братьям, и я зазвала тебя к себе.

ЛИКА. Я даже не знала тогда, что ты сестра того самого Чехова!

МАША. Из-за своей всегдашней застенчивости, ты не пошла в комнаты, а осталась как раз вот здесь. Я поднялась к себе за книгой для тебя, а по пути сказала Мишке: "Я привела великолепную красавицу. Но она очень застенчива и прячется за шубами". Мишка стал медленно то, спускаться, то подыматься по лестнице и старался разглядеть тебя.

ЛИКА. (Смеётся) Я чуть не плакала от смущения и действительно пряталась за чью-то шубу.
 МАША. Но Мишка тебя разглядел. Пошёл к Антону и доложил: "К Марье пришла такая хорошенькая, стоит в прихожей". Антон бросил работу и медленно пошёл наверх. Миша за ним. Потом спустились, потом опять поднялись.
 ЛИКА. А я изо всех сил вжималась в вешалку.
 МАША. Они прошли раз десять и всё разглядывали тебя.
 ЛИКА. А я стояла и думала - ужас, до чего много мужчин в этом доме! И почему они всё время ходят по лестнице?
 Обе засмеялись и обнялись.

ЛИКА. Вот возьму и поеду за Антоном! Соблазню и окучу его где-нибудь в Тюмени! Пошлём в тартарары этот Сахалин! И закатимся прямо на Цейлон в свадебное путешествие!
 МАША. (Хохочет) Боюсь, такие планы не у тебя одной! Кундасова решительно настроена, сопровождать Антона неизвестно куда! Вы с ней не выцарапаете друг другу глаза?!
 ЛИКА. По бесхарактерности я уступаю без борьбы! Буду учиться пению. Я гибну, Маша! Клянусь тебе - я гибну!
 МАША. Ну, Ликуша, ну-ну... Что это ты расквасилась?
 ЛИКА. (Близка к истерике) Я гибну, Маша, я гибну! Ты уверенная, умная... Помогите, я гибну! Помогите, скажите, что мне делать?
 МАША. Тсш, медам, тсш... Это - нервы и больше ничего. Это - настроение.
 ЛИКА. Я гибну, Маша, я предчувствую, что гибну!
 МАША. Всё образуется. Ты молода, прекрасна, у тебя дивный голос! Ты станешь знаменитой певицей! И я буду гордиться, что знакома с тобой. Только, побольше, характера и воли! Не увлекайся богемой! Работай над собой, и у тебя всё впереди! Твоё будущее - в твоей власти! Всё будет великолепно!
 ЛИКА. Я гибну, Маша.

Из кабинета выходит Антон.

МАША. (Лике) Тсш, медам! (Антону) вот заговариваю Лике зубы. Они у неё разболелись, и Лика уходит.
 АНТОН. Эскулап я или не эскулап? Когда я был ещё студентом и практиковал летом в Воскресенской больнице, пришёл на приём пациент с зубной болезнью. Я бодро и уверенно наложил щипцы и, после некоторых истязаний, вполне прилично вырвал... здоровый зуб! "Ничего, ничего, - одобрил меня местный доктор, - рви здоровые, авось и до больных доберёшься!" Я стал рвать больной зуб. Но с ним получилось хуже, чем со здоровым. Сломал коронку. Пациент выругал всех и ушёл.
 МАША. Не уверена, что этими воспоминаниями ты ободрил Лику.
 АНТОН. Ничего. Неси, Маша, вату, валерьяну или водку. Пока Лика совсем не окривела и не затопила наш дом слезами.

Маша подымается наверх, проходит мимо Кувшинниковой.

КУВШИННИКОВА. (Маше) Хорошо у вас дома. Спокойно, сонно, как в деревне. Никаких страстей.

ЛИКА. (Антону, после неловкого молчания) О, как бы я хотела быть уже старухой. Как Кувшинникова!
 АНТОН. Зачем же? Такая как теперь, вы очень милы.
 ЛИКА. Я чувствую себя никчёмной, пустой и никому не нужной! О, как я хотела бы понимать, отчего Гаршин кончил самоубийством, Достоевский был на каторге, Левитан, всегда хандрит... А вы едете на Сахалин?
 АНТОН. Я теперь слишком утомлён. И не могу сейчас сказать вам ничего дельного, Лика! Сахалин забрал все мои мысли и всё моё время. И ни тем, ни другим, я теперь не могу распорядиться по своей воле. А тут ещё семья - вопрос, сестра - вопрос, Мишка - проблема! Личная жизнь моя - тыща вопросов! И ни одного ответа! Я ощущаю себя тусклым и тяжёлым.

Надежда Птушкина. ...И дрогнет конец цепи... <http://ptushkina.com>

Подождите немного, Лика, потерпите! И мы с вами всё поймём, что с нами сейчас происходит, во всём разберёмся! Мы ещё молоды, Лика! И нам жить ещё долго-долго... Сахалин даст мне, надеюсь, бодрость и веру в своё предназначенье. Не уходите, Лика, будьте великодушны! Пусто мне будет уезжать, если не увижу на прощанье среди провожающих вашего милого лица!

МАША. (Возвращается) Вот, требуемое, господин эскулап! Можете приступать к лечению! А я отправлю Мишку за извозчиком. Пусть Мишка отвезёт Лиду до дома.

ЛИКА. Спасибо, Маша, не нужно, я остаюсь. Я остаюсь...

КОНЕЦ